

ВЛАДИМИР МАУ



ЭКОНОМИКА И ВЛАСТЬ

ОПЫТ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ



| Издательский дом ДЕЛО |

Владимир Мау

**Экономика и власть: опыт
посткоммунистической
трансформации**

«РАНХиГС»

2017

УДК 338
ББК 65.9(2Рос)

May В. А.

Экономика и власть: опыт посткоммунистической трансформации
/ В. А. Мау — «РАНХиГС», 2017

ISBN 978-5-7749-0585-0

Данное издание посвящено экономико-политическим проблемам посткоммунистической трансформации России. Две работы, составляющие эту книгу, были написаны во второй половине 1990-х годов. «Экономика и власть: политическая история экономической реформы в России (1985–1994)» рассматривает взаимосвязь и влияние экономических и политических проблем, возникших в период перестройки и после краха советской системы, раскрывает причины принимавшихся высшим руководством СССР и России решений, а также иллюзий и заблуждений властей. Работа опубликована в издательстве «Дело» в 1994 году, а в 1996 году вышла в Великобритании под названием «The Political History of Economic Reform in Russia, 1985–1994» (L.: Centre for Research into Communist Economies). «Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики» представляет собой одно из первых исследований проблем конституционной экономики применительно к современной России. Конституционные (и шире – правовые) проблемы российских экономических реформ анализируются с учетом опыта развитых и развивающихся стран. Экономические проблемы рассматриваются сквозь призму внеэкономических факторов – политических и конституционно-правовых. Книга впервые была опубликована в издательстве «Ad Marginem» в 1999 году.

УДК 338
ББК 65.9(2Рос)

ISBN 978-5-7749-0585-0

© May B. A., 2017
© РАНХиГС, 2017

Содержание

Экономика и власть: политическая история экономической реформы в России (1985–1994)	7
Предисловие	7
Глава 1. Начало преобразований: доктрина и лозунги (1985–1989)	8
1.1. основные компоненты концепции реформ	8
1.2. Поиски экономического механизма	10
1.3. Иллюзии позднесоветского периода	14
1.4. Вопрос о последовательности реформ	17
Глава 2. Потеря управляемости, или Вползание в кризис (1989–1991)	20
2.1. Политическая реформа как основа трансформации страны. Первый съезд народных депутатов СССР	20
2.2. Нарастание конфликтов и начало общего кризиса	23
2.3. Попытка консервативной стабилизации	27
Глава 3. По пути глубоких преобразований	32
3.1. Политические факторы начала радикальных экономических реформ	32
3.2. Экономическая политика и динамика социальных сил	37
3.3. Экономическая реформа и институты власти	42
3.4. Социальная стабильность	49
3.5. Проблемы регионализации и сепаратизма в экономической реформе	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Владимир Мау
Экономика и власть: опыт
посткоммунистической трансформации

© В. А. Мау, 2017,

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2017

* * *

Экономика и власть: политическая история экономической реформы в России (1985–1994)

Предисловие

По мере того как перестройка все более уходит в прошлое, она из сферы политических дискуссий и борьбы перемещается в область научного исследования. За несколько лет своего существования политика перестройки была и объектом всеобщего восхищения за необычность и неожиданность выдвинутых ею лозунгов, испытала и жесткую критику (если не презрение) широких общественных кругов за свою непоследовательность и противоречивость. Теперь наступает время ее спокойного и непредвзятого анализа. Анализа, который был почти невозможен еще несколько лет назад, когда эмоциональное восприятие нового курса (или «нового политического мышления») М. С. Горбачева в значительной мере ограничивало его рациональное осмысление.

Предлагаемая работа посвящена анализу взаимосвязи и взаимного влияния экономических и политических проблем, как они стояли в 1985–1994 годах, т. е. в период собственно перестройки и последующей затем, после попытки государственного переворота в августе 1991 года, радикализации экономических и политических процессов. По нашему мнению, именно на стыке экономики и политики происходили наиболее важные события того времени. Исследование под этим углом зрения позволяет раскрыть реальные корни принимавшихся высшим руководством СССР и России решений, иллюзий и заблуждений властей, а в конечном счете и результатов «эры Горбачева» как завершающей фазы социализма в нашей стране и вместе с тем начального периода ее посткоммунистического развития.

За последнее время на Западе появилось немало работ, посвященных анализу истории перестройки¹. Однако этого нельзя сказать о российских ученых, для которых годы перестройки и поныне остаются слишком близким прошлым, слишком связанным с сегодняшними проблемами как общественного, так и личного характера². Разумеется, сказанное относится и к автору настоящей работы – участнику событий не просто быть беспристрастным аналитиком. Но, помня об этом, мы будем стремиться обеспечить объективность самого исследования и его выводов.

Предлагаемая книга естественным образом распадается на три части, соответствующие двум фазам перестройки – восходящей (1985–1989) и нисходящей (1989–1991), а также началу последовательных посткоммунистических преобразований. Иначе говоря, периоду политических иллюзий и надежд, затем вползанию страны в кризис, завершивший «земной путь» СССР и социалистического народного хозяйства, и наконец первым опытам функционирования постсоветской экономико-политической системы.

Автор выражает признательность за помощь, оказанную при работе над книгой, С. П. Ашрафьян, своим коллегам по Институту экономических проблем переходного периода Т. З. Орловой, В. В. Ступину и Т. А. Хохловой, а также Фонду Макартуров, поддержавшему проведение соответствующих исследований.

¹ См., например: Nove A. *Glasnost' in Action*. Boston, 1989; Goldman M. I. *What Went Wrong with Perestroika*. N.Y.; L., 1991; Boettke P. J. *Why Perestroika Failed: The Politics and Economics of Socialist Transformation*. L.; N.Y., 1993.

² См.: Абалкин Л. И. *Неиспользованный шанс: полтора года в правительстве*. М.: Политиздат, 1991; Он же. *К цели через кризис: спустя год*. М.: Луч, 1992.

Глава 1. Начало преобразований: доктрина и лозунги (1985–1989)

1.1. основные компоненты концепции реформ

Нередко приходится слышать утверждения о том, что начатые М. С. Горбачевым в 1985 году реформы носили стихийный характер, не являлись воплощением некоторого сформулированного и проработанного заранее замысла. Тем самым как бы объясняется непоследовательный, а подчас и разрушительный характер политики перестройки.

В данном разделе мы намерены рассмотреть теоретические, идеологические и политические предпосылки политики перестройки, формы и механизмы ее практической реализации во второй половине 80-х годов. По нашему мнению, этот курс явился естественным следствием развития экономической теории и конкретной практики «социалистического хозяйствования», а баланс сил в советском руководстве обусловил последовательность решений и действий, которые стали теперь нашей недавней историей. Разумеется, сказанное не предполагает ни апологетического отношения к политикам и принимавшимся ими решениям, ни стремления обелить или оправдать кого бы то ни было. Наша цель здесь – понять предпосылки и оценить последствия³.

Изучение трудов политических лидеров стало уже почти забытым видом деятельности для отечественных обществоведов, а тем более для экономистов. Однако этот подход будет важен в начале нашей работы. Анализ статей и выступлений М. С. Горбачева 1983 – 1984 годов, когда он занял вторую-третью позицию в советской иерархии и был относительно свободен в своих высказываниях, позволяет сделать некоторые выводы относительно формирования самого замысла перестройки.

Выступления М. С. Горбачева, предшествующие его избранию на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, свидетельствуют, что на протяжении всего 1984 года он напряженно размышлял о проблемах и трудностях советской хозяйственно-политической системы. И вполне понятно, что ответы на вызов времени он искал в рамках самой системы, в ее идеологических догматах и хозяйственной практике предшествовавших десятилетий. Да, собственно, и сам термин «перестройка» впервые обозначился у него в марте 1984 года в докладе на Всесоюзном экономическом совещании по проблемам агропромышленного комплекса – первом крупном выступлении Горбачева в качестве второго человека в партии⁴. Об этом же позднее шла речь и в получившем широкую известность программном выступлении Горбачева с характерным названием «Живое творчество народа» (декабрь 1984 года)⁵.

³ «Проявить здравый смысл в оценках прошлого – это значит разделить то, что было неизбежно как результат естественного развития (то, что происходило и не могло не произойти), и то, что произошло вопреки объективным условиям, вследствие неумения, неспособности управлять событиями, как результат ошибок, просчетов», – пишет уже в наши дни М. Ф. Ненашев, являвшийся членом последнего Совета Министров СССР во главе с Н. И. Рыжковым, в книге «самооправдательных» диалогов с рядом членов этого правительства (Ненашев М. Последнее Правительство СССР. М.: Кром, 1993. С. 6).

⁴ Причем сформулировано это было в совершенно определенном контексте. Оценивая некоторые положительные примеры совершенствования хозяйственного механизма, будущий Генеральный секретарь определил их как «начальный этап перестройки, которую предстоит развивать вширь и вглубь» (Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 2. М.: Политиздат, 1987. С. 38).

⁵ Впрочем, среди ближайших коллег М. С. Горбачева со временем популярность приобрело подчеркивание как бы вторичности его идей, их производного характера от деятельности Ю. В. Андропова, который, по их мнению, смог бы осуществить перестройку более осторожно, оставаясь в рамках социализма. В связи с этим заслуживает внимания следующее заявление Н. И. Рыжкова: «Считаю, что истоки перестройки относятся к началу 1983 г., когда Андропов поручил нам – группе ответственных работников ЦК КПСС, в том числе мне и Горбачеву, подготовку принципиальных положений по экономической реформе. В наших разработках мы исходили тогда из тех критических оценок социализма, которые были высказаны Ю.

Исторические корни перестройки восходят к популярному на рубеже 50–60-х годов лозунгу «догнать и перегнать», а еще дальше – к ускоренной индустриализации СССР в 30-е годы. Налицо было отставание от развитых стран Запада по всем параметрам экономической и социальной жизни. И новое советское руководство, чья политическая молодость пришлась на хрущевскую «пору надежд», считало себя готовым к решению амбициозных экономических и социальных задач. О политических реформах речь зашла позднее.

Трансформация (перестройка) советского общества с самого начала мыслилась как многогранная, комплексная задача. В соответствии с традициями коммунистической риторики целями реформ провозглашались «дальнейшее повышение благосостояния народа, улучшение условий его материальной и духовной жизни». Это конкретизировалось в задаче обеспечения населения необходимыми продовольственными и промышленными товарами, бытовыми услугами, развития здравоохранения, культуры и образования. Решение «проблем благосостояния» обуславливалось, в свою очередь, двумя группами задач: с одной стороны, резкой динамизацией роста производительных сил, с другой – совершенствованием хозяйственного механизма.

Что касается первого, то здесь акцент был сделан на проведение глубокой структурной перестройки промышленности в пользу ускоренного роста машиностроения. Идея, изначально принадлежавшая А. Г. Аганбегяну⁶, была примерно такова. Для проведения сколько-нибудь осмысленной социальной политики в условиях снижения мировых цен на нефть и продолжающейся гонки вооружений необходимо обеспечить как минимум 4 %-ный рост национального дохода. За годы одиннадцатой пятилетки даже по официальным данным этот показатель до 4 % явно не дотягивал. Возможности роста за счет вовлечения новых материальных и людских ресурсов были также практически исчерпаны: для подобного роста национального дохода экстенсивным путем требовалось за пятилетие увеличивать добычу топлива и сырья на 15 %, инвестиции – на 30 – 40 %, вовлекать в производство до двух миллионов человек ежегодно.

Оставался единственный путь, вполне естественный для технократического подхода, – «существенный рост производительности труда посредством внедрения прогрессивного оборудования, автоматизации»⁷. Для этого была выдвинута задача в ближайшие годы увеличить темпы роста машиностроительных отраслей в 1,5–2 раза. Приоритет здесь связывали с ускорением развития станкостроения, приборостроения, электротехники и электроники. Иными словами, речь шла о перенесении центра тяжести в инвестиционной политике на отрасли машиностроительного комплекса. Собственно, это отвечало интересам наиболее влиятельной в то время социально-экономической группировки – военно-промышленного комплекса.

Вместе с тем принципиальной особенностью 80-х годов стало дополнение технократического подхода социально – экономическим. Пожалуй, впервые в официальной коммунистической риторике речь зашла об активизации человеческого фактора как условия трансформации всей системы производственных отношений⁸. Экономистам и политикам предстояло более тщательно определиться с этими установками, наполнить их конкретным содержанием. И на практике именно эти проблемы, а вовсе не вопросы структурных преобразований народного хозяйства, встали в центр экономических дискуссий и политической борьбы⁹.

Андроповым... Думаю также, что можно с достаточной уверенностью предположить совсем иные методы экономических и социальных преобразований в стране под руководством Ю. Андропова. Были бы они близкими к тому, что делается сейчас в Китае?... Можно и на этот вопрос ответить положительно» (Ненашев М. Последнее Правительство СССР. С. 23–24).

⁶ См., например: Аганбегян А. Г. На новом этапе экономического строительства // ЭКО. 1985. № 8; Он же. Генеральный курс экономической политики // Там же. 1985. № 11.

⁷ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 2. С. 147.

⁸ Одним из первых выступлений на эту тему стала статья Т. И. Заславской «Человеческий фактор развития экономики и социальной справедливости». Опубликованная в журнале «Коммунист» (1986. № 13), она носила как бы полуофициальный характер.

⁹ Хотя были и исключения. Весьма характерным примером обсуждения проблем макроэкономической политики и харак-

Тем самым определились и основные лозунги перестройки, составившие ее опорные точки и своеобразные распознавательные знаки. Можно сказать, что для них были даже определены специальные термины, делающие экономическую политику последней фазы социализма наглядной и легкоузнаваемой. Этими лозунгами стали:

1) ускорение как необходимость придания динамизма развитию производительных сил путем сосредоточения инвестиционных ресурсов на машиностроительных отраслях;

2) перестройка как осуществление трансформации производственных отношений, изменение общественно-экономической организации позднесоветской системы;

3) человеческий фактор как необходимость гуманизации системы общественных отношений, преодоления однобокого технократического подхода к решению производственных и экономических задач. Именно из этого тезиса несколько позднее выросли идеи гласности и демократизации;

4) «цельный социализм» как попытка теоретического объяснения характера начинаемых преобразований, подразумевавшая, что сложившаяся система общественных отношений может и должна быть трансформирована достаточно глубоко, чтобы обеспечить перевод социализма на новую ступень его «развитости», но без изменений самой сути социалистического уклада хозяйствования (который уже стал «зрелым») ¹⁰.

1.2. Поиски экономического механизма

В середине 80-х годов провозглашение масштабных задач хозяйственных преобразований не могло ограничиться технократическими установками. Уже с хрущевских времен советские лидеры, выдвигавшие амбициозные цели прорыва на производственном фронте, непременно предполагали сопровождать их сдвигами в системе экономических стимулов производства ¹¹. Естественно, что такой подход был в полной мере воспринят М. С. Горбачевым, который на протяжении ряда предшествующих лет довольно тесно соприкасался с экономистами, работавшими в области «теории социалистического хозяйственного механизма». И столь же естественно, что доктринальная основа экономической политики являлась с самого начала весьма противоречивой. В ней находили отражение как противоречия реального политического процесса, борьба различных политических группировок и групп интересов, так и непоследовательность общей концепции трансформации системы в том виде, как эта концепция сложилась к середине 80-х годов.

Прежде всего воспроизводился традиционный партийный механизм решения хозяйственных задач – через организацию массовых кампаний. Недаром поначалу М. С. Горбачев проводил открытые параллели с опытом ускоренной индустриализации страны в 30-е годы. И в соответствии с этой аналогией речь шла об использовании высокого мобилизационного потенциала, существование которого обычно приписывали советской хозяйственно-политической

тера структурных преобразований советского народного хозяйства стала дискуссия 1988 года на страницах журнала «Коммунист» между Е. Т. Гайдаром и шестью министрами союзного правительства по поводу целесообразности значительного расширения внешней задолженности страны за счет привлечения крупных западных кредитов на строительство нового Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (см.: Гайдар Е. Т. Это не подарок // Коммунист. 1989. № 5; Гайдар Е. Т. Зря денег не дают // Коммунист. 1989. № 8).

¹⁰ Вообще-то с термином «цельный социализм» вышло недоразумение. Он был введен в оборот в одном из официальных партийных документов, по-видимому, без ясного понимания контекста соответствующей ленинской работы. Между тем под «цельным социализмом» Ленин понимал соединение германской военно-хозяйственной машины своего времени с советской властью (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 300).

¹¹ Наиболее интересные и острые дискуссии на эту тему в отечественной экономической литературе проходили в начале 60-х годов, т. е. предшествовали экономической реформе 1965 года – одной из наиболее масштабных попыток реорганизации советской хозяйственной системы на основе рыночных стимулов. (Подробнее об этом см.: Мау В. А. В поисках плановости: из истории развития советской экономической мысли конца 30-х – начала 60-х годов. М.: Наука, 1990.)

системе благодаря наличию в ней механизмов централизованного планирования¹². Как видим, в партийном руководстве оставались весьма живучими иллюзии раннесоветского периода, и опора на них составляла естественный источник надежд властей.

Проведение курса на перестройку вписывалось также в систему традиционных представлений относительно экономической природы существовавшего строя. Политическая экономия социализма, имевшая всеобъемлющий доктринальный характер, хотя и подвергалась вполне обоснованной критике за схоластику и отрыв от реальности, составляла, однако, основу воззрений советского партийного истеблишмента и его ученых консультантов. И даже беглого взгляда на основные опорные пункты раннеперестроечных взглядов М. С. Горбачева и его окружения достаточно, чтобы увидеть в них весь перечень сюжетов («экономических законов»), рассматривавшихся в учебниках по политической экономии социализма¹³.

Сама необходимость перестройки в соответствии с «основным экономическим законом социализма» мотивировалась важностью повышения благосостояния, удовлетворения растущих потребностей советского человека. В качестве основного рычага называлось централизованное планирование как решающее преимущество социалистического хозяйствования, дающее возможность обеспечивать сознательную оптимизацию экономического роста и структурных сдвигов («закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства»). Именно с совершенствованием планирования на макро – и микроуровне поначалу связывалось решение задач ускорения.

Структурно-инвестиционная и макроэкономическая модель перестройки вполне описывалась так называемым законом опережающего роста производства средств производства (и особенно их активной части) над производством предметов потребления.

Речь шла и о необходимости совершенствования системы распределения по труду («закон распределения в соответствии с количеством и качеством труда»), что нашло отражение в относительно ранней либерализации (децентрализации) распределительных механизмов при одновременном резком усилении попыток государственного вмешательства в оценку «справедливости» распределения. Последнее наиболее ярко выразилось в обострившейся полемике относительно существования нетрудовых доходов и роли государства в их элиминировании¹⁴.

Наконец, в концептуальных рассуждениях политической элиты непременно присутствовали ссылки на необходимость использования товарно-денежных отношений как важного стимулирующего рычага развития производительных сил. Однако подобные высказывания носили весьма осторожный характер и непременно сопровождалась оговорками об изменившейся природе стоимостных механизмов при социализме и о недопустимости при использовании товарно-денежных отношений принижать ведущую роль планового начала.

Впрочем, не политическая экономия социализма как таковая стала основой дальнейшей проработки теоретических основ социально-экономической трансформации. Эту роль взяла на себя теория хозяйственного механизма, которая представляла собой особый раздел полит-

¹² Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 2. С. 87, 257.

¹³ См., например: Политическая экономия. Т. 2 / под ред. А. М. Румянцева и др. М.: Политиздат, 1977. Соответствующие положения были впервые сформулированы еще в 40-е годы (Некоторые вопросы преподавания политической экономии // Под знаменем марксизма. 1943. № 7–8) и содержались во всех стандартных учебниках и книгах по политической экономии социализма начиная с первого учебника 1954 года (Политическая экономия. М.: Госполитиздат, 1954). Хотя и в сильно переработанном виде, они нашли отражение и в последнем советском учебнике по политической экономии, подготовленном под руководством В. А. Медведева и Л. И. Абалкина (Политическая экономия. М.: Политиздат, 1989).

¹⁴ «Жизнь нас научила, что отклонения от социалистических принципов распределения и хозяйствования могут породить и порождают такие серьезные явления, как трудовая и социальная пассивность, тунеядство, моральный нигилизм, скрытые формы перераспределения доходов и благ. В общем-то именно с такими отклонениями... связаны и нетрудовые доходы» (Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 2. С. 96–97).

экономии – раздел, сформировавшийся на рубеже 60 – 70-х годов и вскоре ставший одним из наиболее динамично развивающихся направлений советской экономической науки.

Корни ее восходят к середине 60-х годов. Точнее, к экономической реформе 1965 года, знаменовавшей собой наиболее масштабную доперестроечную попытку усовершенствовать коренным образом социалистическую систему хозяйствования, приспособить ее к современным условиям научно-технической революции. Сама попытка реформы осталась половинчатой и не дала заметных устойчивых результатов. Было ясно, что на этой основе и теория, и практика должны двигаться вперед или возвратиться примерно к исходному состоянию. Экономическая политика вскоре повернула вспять: партийное руководство, сделав несколько шагов по направлению к рынку, не было способно решиться на дальнейшую трансформацию хозяйственной системы, так как понимало неизбежность дополнения экономической либерализации политической. Однако для экономистов-«шестидесятников», выросших на волне широких и откровенных дискуссий тех лет, последующие годы стали временем отработки аргументов и механизмов осуществления будущих хозяйственных преобразований. Поскольку же незыблемость социалистической собственности являлась как бы заранее заданной предпосылкой теоретических спекуляций, реалистически мыслящие экономисты вскоре нашли своеобразную политическую (или идеологическую) нишу: принимая как данность тезис о незыблемости фундаментальных основ социалистической системы и оставляя эти вопросы на откуп идеологизированной ортодоксальной политэкономии (со всеми ее перечисленными выше «законами»), эти экономисты сформулировали вывод о необходимости глубокого «совершенствования хозяйственного механизма» и стали рассматривать последний как самостоятельный объект исследования, который можно анализировать и реформировать, оставляя в стороне вопросы собственности¹⁵. Это был один из важнейших моментов: согласие на подобный подход давало известную свободу анализа, но и налагало жесткие и потенциально весьма опасные ограничения, которые неизбежно должны были сказаться в будущем.

Логика концепции «совершенствования хозяйственного механизма» опиралась на тезис о необходимости стимулирования производителя (хозяйственного агента) развивать производство и обновлять продукцию. Предполагалось, что этого можно добиться путем расширения самостоятельности предприятий в принятии решений относительно объемов и номенклатуры выпускаемой продукции, увязывая перспективы развития производства и материальное благополучие работников с финансовыми результатами работы предприятий (прибыльностью, рентабельностью).

Однако с учетом неэффективности ценового контроля за производителем в условиях устанавливаемых государством цен постоянно обсуждался вопрос о системе экономических показателей, отличных от прибыли и рентабельности, которые объективно оценивали бы соответствие функционирования предприятия потребностям народного хозяйства и конкретных потребителей. Очередной такой показатель (как правило, объемный) регулярно выдвигался на первый план и объявлялся спасительным инструментом от всех бед как централизованного плана, так и рыночной стихии. Такую роль «спасителя» отводили последовательно объему реализованной продукции, чистой или нормативной чистой продукции (НЧП), уровню выполнения хозяйственных договоров. В отдельных, весьма редких, случаях экономисты подходили к

¹⁵ Перечислим лишь некоторые из наиболее существенных работ на эту тему: Ракитский Б. В. Формы хозяйственного руководства предприятиями. М.: Наука, 1968; Абалкин Л. И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. М.: Мысль, 1973; Он же. Диалектика социалистической экономики. М.: Мысль, 1985; Он же. Проблемы совершенствования хозяйственного механизма в условиях развитого социализма. М.: Наука, 1978; Бунич П. Г. Хозяйственный механизм развитого социализма: сущность, структура, проблемы и перспективы. М.: Наука, 1977; Он же. Хозяйственный механизм управления социалистической экономикой. М., 1984; Аганбегян А. Г. Управление социалистическим предприятием. М.: Экономика, 1979; Петраков Н. Я. Хозяйственная реформа: план и экономическая самостоятельность. М.: Мысль, 1971; Он же. Хозяйственный механизм в системе оптимального функционирования социалистической экономики. М., 1985.

формулированию тезиса о целесообразности «включения» механизмов конкуренции, но это всегда встречало решительный политический отпор¹⁶.

«На первый план выдвигаются такие коренные проблемы, как пути ускорения научно-технического прогресса и всесторонней интенсификации производства; совершенствование форм социалистической собственности, обеспечивающее все более органическое соединение непосредственного производителя с общественными средствами производства, укрепление у него чувства коллективного хозяина всего общественного достояния, активизацию и оптимизацию системы интересов при ведущей роли общенародного интереса; развитие научных основ и практики планирования народного хозяйства как главного средства осуществления экономической политики партии; совершенствование всей системы отношений распределения»¹⁷. В этой длинной фразе сосредоточены, пожалуй, все основные элементы позднесоциалистической экономико-идеологической доктрины, суть представлений и надежд реформаторов (как политиков, так и экономистов) образца середины 80-х годов.

Итак, вопрос о собственности оставался практически незыблемым. Считалось, что перечисленные механизмы смогут подтолкнуть экономический рост, резко повысить эффективность работы госпредприятий, которые, освободившись от ведомственной опеки и указаний централизованного плана, поведут себя как полноценные рыночные агенты. Существование или возникновение других (негосударственных, частных) форм собственности оценивалось как второстепенный фактор – желательный, но неспособный ощутимо воздействовать на положение дел на госпредприятиях. Эти подходы отразились и на аргументации, и на процессе реализации решений о развитии кооперативного движения и индивидуальной трудовой деятельности в 1986 – 1988 годах.

Явно недооценивалась роль реальных экономических механизмов как неотъемлемого атрибута эффективного хозяйствования. Прежде всего речь идет о ценах. Традиционно в советской экономической литературе не ставился вопрос о допущении свободного ценообразования. В лучшем случае говорилось о переходе к сбалансированным ценам, рассчитанным в соответствии с математическими моделями «теории (системы) оптимального функционирования экономики» (ТОФЭ, или СОФЭ)¹⁸. Но даже при такой постановке проблемы многие ее видные идеологи-экономисты поспешили решительно отмежеваться от еще недавно провозглашавшихся ими целей, когда на начальном этапе перестройки вопрос о введении системы сбалансированных цен перешел в практическую плоскость. Тем самым они открыто продемонстрировали нежелание брать на себя ответственность за непопулярный политический курс.

В рассмотренной нами вкратце схеме «совершенствования хозяйственного механизма» оставались нерешенными некоторые вопросы, имевшие, как показал ход перестройки, критическое значение для экономической системы социализма и перспектив его эволюционной рыночной трансформации.

Во-первых, отсутствие в социалистической экономике реального собственника, т. е. экономического агента, заинтересованного в стратегическом инвестировании на микроуровне. Без этого и без жесткого централизованного политического контроля в советской хозяйственной системе интересы текущего потребления (выплаты зарплаты) неизбежно оказывались доминирующими по сравнению с интересами накопления и инвестирования (т. е. роста производства).

¹⁶ Например, содержащая намек на желательность конкуренции между социалистическими предприятиями книга Б. В. Ракитского «Формы хозяйственного руководства предприятием» (М.: Наука, 1968) надолго попала в список полузапрещенных, т. е. она оставалась в библиотеках, но ссылки на нее были запрещены.

¹⁷ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 2. С. 81.

¹⁸ Петраков Н. Я. Хозяйственный механизм в системе оптимального функционирования социалистической экономики. М., 1985; Шаталин С. С. Оптимизация функционирования социалистической экономики. М., 1980.

Во-вторых, оставался открытым вопрос о принципиальной возможности (точнее, невозможности) построения эффективной хозяйственной системы в условиях сохранения несбалансированности советского рынка, отсутствия реального механизма установления равновесия между спросом и предложением.

Жизнь подтвердила положение, теоретически обоснованное рядом видных социальных мыслителей либерального направления еще в период массового увлечения социалистическими утопиями (в 20–30-е годы), что названные проблемы являются ключевыми для всех типов социалистических экономик и не могут найти принципиального решения в их рамках¹⁹.

1.3. Иллюзии позднесоветского периода

Противоречия социально-экономических взглядов политиков и экономистов в совокупности с известной ограниченностью представлений решившейся на реформы партийной элиты обусловили характер и направленность принимавшихся решений в первые годы перестройки, которые небезосновательно можно назвать ее розовым периодом. «Розовым», потому что жизнь страны не была еще омрачена почти никакими острыми конфликтами и противостояниями, а в обществе и в его руководстве господствовал целый ряд иллюзий относительно возможностей и путей резкого повышения эффективности и гуманизации существовавшей экономической системы, трансформации социализма путем раскрытия свойственных ему социальных и экономических преимуществ. Здесь уместно, правда, заметить, что иллюзии, о которых речь пойдет далее, вообще являются закономерными для общества, начинающего глубокие, революционные перемены и находящегося в самой начальной фазе этих перемен. И представление о них чрезвычайно важно, поскольку они оказывают заметное влияние на принимаемые политические решения в течение ощутимого периода времени.

Прежде всего здесь следует отметить представление о наличии широкого единства взглядов всего общества относительно характера и направления намечаемых реформ. Создается иллюзия отсутствия сильных групп интересов, способных оказывать сопротивление намечаемым реформам. Сами же реформы представляются столь назревшими и естественными, что у реформаторов подчас складывается впечатление, что никто не только не сможет, но даже и не захочет противодействовать предлагаемому курсу. Применительно к СССР середины 80-х годов это представление обуславливалось и модифицировалось двумя обстоятельствами.

С одной стороны, господствовавшее в политических кругах догматическое представление о социальных реалиях советской системы как якобы не содержащих непримиримых в основе своей противоречий²⁰. Вне серьезного анализа оставался вопрос о подлинных группах интересов и их лоббистских возможностях. Это, понятно, в значительной мере подрывало возможности адекватной оценки перспектив осуществления тех или иных шагов в экономической и социальной политике.

С другой стороны, инициаторы перестройки отнюдь не ожидали безоблачной судьбы для своего детища. Однако поле возможного сопротивления и борьбы ограничивалось в их сознании узкой сферой высшего партийного руководства, где сильные позиции продолжали

¹⁹ См.: Мизес Л. Социализм: экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994. С. 131–135; Бруцкус Б. Д. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. 1922. № 3. С. 65–66. Этот вполне очевидный порок социалистической (коллективистской) системы проявился буквально в первые же дни после Октябрьской революции, когда большевики попробовали на практике реализовать свои идеи организации производства на базе «рабочего контроля». На доминирование потребительских интересов над производственными и текущих над перспективными вскоре стали указывать и сами большевистские экономисты, не говоря уже о социалистах (см., например: Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 7–8; Базаров В. Коммунизм или государственно-упорядоченный капитализм? // Мысль. 1919. № 2. С. 59).

²⁰ Эти тезисы звучали в материалах партийных съездов, излагались в стандартных учебниках по «политэкономии социализма» (см., например: Политическая экономия. Т. 2. М.: Политиздат, 1977. С. 80–87).

занимать представители старого партийного истеблишмента. Относительно же широких слоев населения они видели опасность в крайнем случае «пережитков консервативного мышления», преодолеваемых декларативно-воспитательными мероприятиями и призывами «начинать перестройку с себя».

Собственно, апеллирование к мобилизационному потенциалу социалистической системы и к опыту осуществления индустриализации 30-х годов являлось наиболее ярким отражением этого представления о наличии некоторой целостной ценностной ориентации советского общества.

Из постулата о наличии принципиального единства взглядов на необходимость и характер реформ вытекала другая важная иллюзия раннеперестроечной поры – иллюзия легкости проведения реформ, возможности быстрого решения самых различных проблем, накапливавшихся в стране в течение длительного периода. Причем это отражалось и на представлении о возможности одновременного решения задач, противоречащих друг другу по самой своей сути.

Безусловно, классическим примером такого рода решений является известная антиалкогольная кампания, начатая М. С. Горбачевым через два месяца после его прихода к власти (а именно в мае 1985 года). С самого начала был очевиден социально тупиковый и экономически опасный характер подобного курса: вековую проблему пытались решить в считанные месяцы, причем с неизбежными крупными потерями для госбюджета при одновременном провозглашении курса на осуществление крупных структурных реформ, требовавших масштабных бюджетных затрат.

Подобные иллюзии нашли прямое воплощение и в изначальной концепции перестройки, предполагавшей одновременное осуществление инвестиционного маневра в пользу машиностроительного комплекса, резкое увеличение доли накопления в национальном доходе (беспрецедентное для предшествующего двадцатилетия) при одновременном быстром подъеме потребительского сектора, обеспечивающего заметный рост благосостояния народа. Лозунги ускорения (в изначальном технократическом смысле этого термина) и перестройки противоречили друг другу, но их противоречивость на протяжении первых лет перестройки оставалась без внимания со стороны политиков и многих экономистов.

Собственно, вокруг этого пункта разгорелась первая открытая полемика в советском руководстве. Одним из кульминационных и драматичных моментов начавшейся полемики стал октябрьский (1987) Пленум ЦК КПСС, приведший к разрыву между М. С. Горбачевым и Б. Н. Ельциным с отставкой последнего в ноябре того же года²¹.

Еще одним примером представлений такого рода стала попытка активизации предпринимательской мотивации (в том числе через кооперативную и индивидуальную трудовую деятельность) при одновременном усилении борьбы с нетрудовыми доходами в традиционном советском понимании, т. е. как доходами от примитивных форм предпринимательской деятельности. В регионах с консервативным руководством это обернулось ужесточением преследования мелких частников, торговавших продуктами своего труда.

На этой основе формировалась иллюзия наличия сильного (или даже все сильного) правительства, которое может позволить себе ставить и решать самые разноплановые задачи. Всесилие правительства (руководства) объяснялось его демократизмом, готовностью открыто назвать проблемы и заклеить недостатки. В известной мере представление о все силности руководства основывается на его убежденности в своей исключительной популярности. Отчасти это является справедливым, особенно в сравнении с крайней непопулярностью предшествующих вождей. Однако уверенность в своей популярности и чрезвычайная переоценка ее практической значимости загоняют политику в ловушку, когда лидеры оказываются абсолютно

²¹ См.: Материалы октябрьского (1987) Пленума ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 209–288.

неспособными к принятию решений непопулярных, но критически важных как для страны, так и для их собственного политического выживания. Неизбежным результатом такой ситуации является быстрая потеря казавшегося еще недавно неисчерпаемым кредита доверия, причем высшее руководство страны оказывается нечувствительным к подобной тенденции и в течение еще некоторого времени действует так, как будто оно остается чрезвычайно популярным. Об исчерпанности кредита доверия оно узнает обычно последним.

Наконец, говоря об иллюзиях «розового периода», следует обратить внимание на теоретические основы политики перестройки. Как уже было нами отмечено, формировавшаяся концепция реформ опиралась на разработки экономической науки предшествующего периода. Правильно будет сказать даже, что руководство страны быстро и в полной мере восприняло концепцию «совершенствования хозяйственного механизма» в ее наиболее радикальном, последовательном варианте. Поначалу это внушало энтузиазм: никогда еще экономисты рыночной ориентации не находили такого понимания в партийном руководстве, и никогда еще руководство не демонстрировало такую готовность реализовать предложения экономистов. Заявления М. С. Горбачева 1988 года и многие принимавшиеся тогда нормативные акты вбирали в себя максимум того, что могла дать официальная экономическая теория в наиболее прогрессивном для советской системы варианте.

Однако вскоре обнаружилось, что идеи, казавшиеся еще недавно самыми передовыми, не только не позволяют решать поставленные амбициозные задачи перестройки, но, напротив, нередко ведут лишь к усугублению социально-экономических проблем²². Ведь экономические идеи, воспринимавшиеся как самые передовые применительно к социалистической системе хозяйствования, на самом деле строились в логике этой системы и не предполагали ослабления этих основ. Между тем наиболее последовательная реализация этих идей на практике вела к отказу от ряда фундаментальных, системообразующих элементов советского хозяйственного строя (начиная с механизмов централизованного контроля за экономикой и партийно-политического контроля за поведением хозяйственных агентов), что неизбежно приводило к коренному изменению логики функционирования народного хозяйства. И здесь рецепты, выработанные в старой системе координат, оказывались исключительно противоречивыми.

Ограниченность доктринальных установок обусловила, а иллюзия наличия сильного и популярного правительства закрепила ряд барьеров на пути последовательного развертывания экономических реформ, которые быстро приобрели характер непререкаемых догм. То были своеобразные табу не только на практическую реализацию, но поначалу даже на обсуждение некоторых принципиальных вопросов проведения осмысленной макроэкономической и социальной политики. Перечислим наиболее важные из них.

Прежде всего имеется в виду тезис о необходимости обеспечения роста благосостояния народа по мере осуществления курса на перестройку. Политически понятный тезис оказывался серьезным препятствием для принятия жизненно необходимых мер и на деле вел как раз к противоположному результату, обуславливая быстрый рост той социальной цены, которую придется заплатить в недалеком будущем за непоследовательность действий предыдущего периода. Правительство, считавшее себя популярным, было принципиально неспособно к принятию непопулярных мер и тем самым лишь увеличивало масштабы надвигающегося кризиса. Требование проводить реформы «без снижения уровня жизни народа» к концу 80-х годов стало одним из самых тяжелых препятствий на пути не только осуществления, но даже обсуж-

²² Здесь достаточно привести лишь один пример. Закон о государственном предприятии, принятый в июне 1987 года и предоставивший исключительно широкие права руководителям и коллективам госпредприятий, на практике привел к быстрой потере управляемости в народном хозяйстве, к разбалансированию основных макроэкономических пропорций. Самостоятельность госпредприятий в отсутствие конкурентной среды и жестких бюджетных ограничений не привела к повышению эффективности их деятельности, не говоря уже об эффективности макроэкономической. Недаром Е. Т. Гайдар, используя известную историческую аналогию, называет этот документ «законом о вольностях директоров».

дения проблемы: как остановить вползание СССР в кризис? Причем влияние этого постулата было столь сильно, что он оказывался непреодолимым даже для экономистов, не связанных с «самым популярным правительством» и находившихся к нему фактически уже в оппозиции²³.

Большинство конкретных политических табу было связано именно с проблемами сохранения уровня жизни, как они понимались тогда большинством политиков и экономистов. Руководство СССР весьма болезненно воспринимало любые предложения о проведении реформы цен в целях сбалансирования спроса и предложения на потребительском рынке. И уж совсем недопустимым казался ему отказ от государственного ценообразования – даже свобода цен в кооперативном и индивидуальном секторах воспринималась многими как аномалия, нуждавшаяся в корректировке²⁴. Аналогичное отношение встречали замечания некоторых экономистов о неизбежности появления безработицы по мере осуществления реальных структурных преобразований.

Необходимость приватизации также оставалась одной из точек неприятия высшим советским руководством на протяжении практически всей второй половины 80-х годов. Довольно долго здесь продолжало господствовать убеждение, что повышение экономической эффективности возможно при либерализации режима функционирования госпредприятий без изменения отношений собственности. Очень неохотно была признана необходимость трансформации в этой сфере, причем здесь пришлось пройти через промежуточную ступень – признание возможности «разгосударствления».

И, естественно, до последнего держались инициаторы перестройки и большинство их экономических консультантов за незыблемость «социалистического выбора» советского народа. Данный тезис сохранялся даже тогда, когда конкретный набор политических решений в области экономических реформ уже явно вышел за рамки собственно социалистической системы хозяйствования.

1.4. Вопрос о последовательности реформ

Первые годы перестройки с достаточной очевидностью выявили наличие трех компонентов, необходимых для комплексного реформирования советского общества, т. е. речь шла об осуществлении изменений структурного и институционального характера, а также о проведении более или менее последовательных политических реформ. Однако вопрос о взаимосвязи и последовательности этих реформ в течение довольно продолжительного периода времени оставался открытым. Более того, он не только так и не стал предметом какого-то специального теоретического анализа и прогноза на начальной фазе перестройки, но и впоследствии отвечать на него (на вопрос об очередности реформ) приходилось непосредственно в ходе практической политической деятельности, в порядке оперативного реагирования на обострение тех или иных конкретных социальных, экономических или политических проблем.

Когда начиналась перестройка, советское руководство уже имело перед глазами семилетний опыт эволюционной трансформации китайской экономики. Этот опыт воспринимался в СССР тогда довольно критически и практически не мог рассматриваться как возможная модель для СССР. Тому были как субъективные причины, так и объективные. К последним следует отнести принципиально различный уровень экономического развития Советского

²³ В данном случае мы забегаем вперед, имея в виду позицию Г. А. Явлинского, отразившуюся в его полемике вокруг программы «Пятьсот дней» и особенно в его мотивации причин своей отставки осенью 1990 года. В августе – сентябре 1990 года он неоднократно утверждал, что реализация этой программы возможна «без снижения уровня жизни основной массы населения», а покидая российское правительство, объяснял это невозможностью решения такой задачи из-за необдуманных действий своих коллег – союзных и российских министров.

²⁴ В качестве примера здесь обычно приводили ГДР, где мелкие частные производители работали по ценам, устанавливаемым государством.

Союза и Китая, включая исчерпанные для СССР возможности экстенсивного роста и накопления за счет аграрного сектора – этих двух важнейших экономических характеристик китайской реформы.

Как мы отметили выше, сперва предполагалось начать реформы со структурной трансформации, подкрепляя их осторожными новациями в хозяйственном механизме (т. е. в институциональной сфере). Причем фактически оказалось, что структурные сдвиги должны осуществляться за счет некоторого снижения потребления, а это в условиях дефицитной экономики должно было вызвать определенный дестимулирующий эффект.

Однако практические меры по «совершенствованию хозяйственного механизма», последовавшие вскоре за призывами к структурной перестройке и достигшие своего пика в 1986 – 1988 годах, обусловили иное развитие событий. Перераспределение хозяйственных прав в пользу менеджмента и трудовых коллективов государственных предприятий практически перечеркнуло возможности осуществления структурного маневра в пользу машиностроительного комплекса и стимулировало рост требований потребительского характера в ущерб инвестиционным.

В принципе такая последовательность событий была довольно типична для реформируемой социалистической экономики. Обычно период централизованной инвестиционной экспансии сопровождается некоторой хозяйственно-политической либерализацией и, как правило, некоторым инфляционным всплеском. За этим вскоре следует ужесточение курса (вызываемое, правда, скорее причинами политического порядка) с соответствующим восстановлением макроэкономических пропорций, традиционно свойственных социалистической хозяйственной системе. Так развивались события в СССР в 50 – 70-е годы, впрочем, как и в большинстве других восточноевропейских (социалистических) стран²⁵.

Однако в Советском Союзе второй половины 80-х годов события пошли по иному пути. Это был результат во многом сознательного выбора реформаторского руководства, и прежде всего М. С. Горбачева. Столкнувшись с сопротивлением реформам, ясно осознавая наличие неблагоприятного для осуществления своего курса баланса сил в высшем партийном руководстве и памятуя о печальной политической судьбе Н. С. Хрущева, Генеральный секретарь ЦК КПСС и его ближайшие сподвижники приняли решение нейтрализовать влияние консервативного большинства партийно-государственной элиты через инициирование процессов демократизации, и прежде всего гласности и открытости.

Словом, к 1988 году именно политическая реформа стала доминантой в комплексе задач трансформации советской системы. Характер структурных изменений явно отошел на второй план. Совершенствование хозяйственного механизма фактически стало рассматриваться как неотъемлемый элемент общего процесса демократизации. Тем более что изменения в экономическом механизме на первом этапе перестройки рассматривались в основном как демократизация системы хозяйствования, как перенесение центра тяжести в принятии конкретных хозяйственных решений на уровень предприятий, с одной стороны, и как демократизация внутрипроизводственного управления (включая выборность менеджмента) – с другой.

Однако ослабление политического контроля в советском обществе оказалось тождественным ослаблению и в дальнейшем потере управляемости в народном хозяйстве. «Дела – хозяйственные, методы – политические», – писал еще в 1984 году К. У. Черненко²⁶, и эта формула, как подтвердил и ход перестройки, четко и адекватно отражала существо советской хозяйственной системы. Когда была резко ослаблена политическая ось, на которую опирался народнохозяйственный организм, т. е. ослаблена централизованная партийная система назначений и контроля, а на ее место не пришли рыночные стабилизаторы и ограничители, эконо-

²⁵ Подробнее см.: Гайдар Е. Т. Экономические реформы и иерархические структуры. М.: Наука, 1990. С. 112–119.

²⁶ Черненко К. У. На уровень требований развитого социализма // Коммунист. 1984. № 18. С. 15.

мические процессы стали быстро приобретать неуправляемый характер. По мере продвижения вперед демократизации происходило ускоренное формирование политических субъектов различной ориентации, вступающих в острую борьбу между собой. Постепенно политическая борьба становилась доминирующим феноменом общественных отношений, имеющим для ее субъектов бóльшую ценность, чем политическая стабильность. Но это уже будет важнейшей характеристикой следующего этапа трансформации советской системы.

Глава 2. Потеря управляемости, или Вползание в кризис (1989–1991)

К началу 1989 года появились явные признаки того, что процесс реформирования советского общества вступал в новую фазу. Общие контуры этого процесса, его существенные тенденции приобрели более отчетливый характер. И главное – он стал явно набирать инерционный потенциал. Сказанное не означает, впрочем, что трансформация советской системы к тому времени стала необратимой. Но она зашла достаточно далеко, и попытки возвращения к исходному экономико-политическому состоянию уже не могли быть осуществлены относительно безболезненными переменами в высшем руководстве (как это было, например, при смещении Н. С. Хрущева в 1964 году).

2.1. Политическая реформа как основа трансформации страны. Первый съезд народных депутатов СССР

Ключевым моментом при оценке ситуации рубежа 1988–1989 годов стало выделение политической реформы в качестве опорного пункта трансформационного процесса.

Как выяснилось позднее, это была точка очень ответственного выбора, определявшего развитие страны на годы и десятилетия вперед. Альтернативный вариант реформирования социалистической системы демонстрировал Китай, начавший с экономических преобразований и настойчиво сохранявший традиционно-социалистический статус-кво в сферах политической и идеологической. Советский Союз пошел по иному пути. Тем самым история как бы поставила сравнительный эксперимент. Существование этих двух альтернатив вскоре обернулось их своеобразной политической конкуренцией. В дальнейшем опыт Китая стал одним из аргументов борьбы вокруг российской экономической реформы. Мы не будем здесь давать сравнительный анализ китайского и советского (российского) пути от социализма. (Тем более что в Китае он официально до сих пор рассматривается как способ «совершенствования социализма», как построение «социализма с китайской спецификой».) Отметим лишь, что эти вопросы не только требуют специального рассмотрения, но и в принципе серьезный анализ здесь возможен лишь тогда, когда экономические реформы в Китае будут дополнены реформами политическими.

В начале нашей работы уже говорилось о том, почему, начав с экономических лозунгов, советское руководство и лично М. С. Горбачев поставили во главу угла политическую реформу. Здесь уместно добавить, что и сами реформаторы уже не могли отступать от этой логики. К этому их толкало и развитие ситуации в высшем эшелоне власти, когда они должны были опереться на поддержку общественного мнения в своей борьбе с лидерами консервативного толка. Но дело было не только в этом: к началу 1989 года все более широкие слои населения оказывались втянутыми в политическую жизнь. В городах проходили многочисленные митинги и манифестации под демократическими лозунгами, собиравшие в Москве десятки, а затем и сотни тысяч участников.

Поэтому, говоря о том периоде как о точке выбора пути, мы имеем в виду не возможность сознательного выбора для конкретного политика (и прежде всего для М. С. Горбачева), а принципиальную возможность изменить развитие событий в случае, например, смены политического руководства. Причем подчеркиваем: речь идет о возможности смены модели реформирования системы, а не о перевороте, имеющем целью обратить развитие событий вспять.

Модель посткоммунистической трансформации, как она стала реализовываться в СССР, с самого начала имела одну интересную и весьма важную особенность. Если в экономиче-

ской сфере подступы к реформам довольно долго сопровождались попытками формирования «особого пути» (соединения частнопредпринимательских стимулов с сохранением абсолютного господства государственной собственности), то в сфере политической практически сразу в качестве базовой модели выступили «общечеловеческие ценности» – современная демократическая система, характерная для развитых стран Запада. Экзотические особенности новых институтов государственной власти (типа выборов народных депутатов СССР от общественных организаций) изначально рассматривались как явления переходные, временные. Вопросом времени было и сохранение однопартийной системы – сама КПСС трещала по швам, быстро росли альтернативные политические объединения клубного типа.

Состоявшиеся в марте 1989 года выборы нового депутатского корпуса и Первый съезд народных депутатов СССР (май – июнь 1989 года) фактически закрепили и оформили доминирование политической реформы и политических проблем над экономическими. Ход съезда и его итоги отразили практически весь комплекс экономико-политических проблем, накопившихся в позднесоциалистическом обществе, затронутом попытками его реформирования.

Прежде всего в формировании и функционировании институтов власти произошел явный сдвиг в сторону усиления популистской составляющей при разработке и осуществлении экономической политики. Высшее руководство не могло более принимать решения, явно идущие вразрез с настроениями общественного мнения, что, естественно, вскоре должно было сказаться на характере и эффективности руководства экономикой. В стабильном демократическом обществе контроль за властью со стороны общественного мнения реализуется в основном в процессе выборов, а на текущей деятельности правительства сказывается скорее опосредствованно, находя отражение в так называемом «политическо-деловом цикле». В советском же обществе образца 1989 года, с неурегулированностью отношений между ветвями власти, с высокой политической активностью населения, внимательно следящего за перипетиями в коридорах власти, правительство оказалось заложником популярности собственных текущих, каждодневных решений, не говоря уже о декларациях и решениях стратегического характера.

Более того, стал изменяться и характер популизма. Решения 1986 – 1988 годов о демократизации управления экономикой являлись популистскими по своей сути и разрушительными по своим последствиям, но принимавшие их политики были уверены в экономической эффективности подобных мер, в их жизненной необходимости и оправданности. Теперь же ситуация стала иной. Решения Первого съезда народных депутатов СССР, настроения в обществе, обманутом в своих ожиданиях быстрого подъема благосостояния, обусловили курс на экспансию социальных программ. И это в условиях, когда правительство еще в 1988 году открыто признало наличие бюджетного дефицита, а советское руководство поняло наконец опасность подобной ситуации²⁷.

Во всяком случае весной 1989 года Политбюро ЦК КПСС обсуждало вопросы бюджетного дефицита и склонялось к принятию рестриктивных финансовых мер²⁸. Однако после Первого съезда народных депутатов о подобном курсе пришлось забыть. И высшие руководители сделали это с большим облегчением, поскольку не хотели брать на себя ответственность за непопулярные решения.

²⁷ Точнее, ситуация складывалась следующим образом. Осознав после первых трех лет перестройки опасность дестабилизации государственного бюджета, советское руководство решило принять меры к ограничению дефицита, выбрав для этого стандартный путь сокращения расходов на социально-культурные мероприятия (это не затрагивало интересов влиятельных групп давления). В результате в госбюжете 1989 года доля этих расходов упала на 2 п. п., причем сокращение произошло не только в относительных цифрах, но и в абсолютных. В 1990 году ситуация естественно изменилась: социальные расходы возросли, причем в размере, как бы компенсирующем задолженность 1989 года (см. табл. 2.1 и 2.2). И столь же естественно, что этот рост не был компенсирован никакими иными бюджетными сокращениями.

²⁸ Соответствующая записка была подготовлена О. Р. Лацисом и Е. Т. Гайдаром осенью 1988 года и в декабре уже обсуждалась на заседании Политбюро ЦК КПСС.

Здесь мы подошли к другому вопросу, отчетливо обозначившемуся на съезде народных депутатов и ставшему одной из доминант дальнейшей экономической политики. Именно тогда был в явном виде сформулирован вопрос о социальной цене реформ. Из экономической публицистики он был переведен в плоскость официальную. Более того, четко прозвучал тезис о неизбежности болезненного характера экономической реформы (ранее дело в лучшем случае сводилось к заклинаниям о необходимости провести реформы так, чтобы от них все только выиграли).

С этой точки зрения одним из ключевых на съезде было выступление Н. П. Шмелева, содержавшее по сути основы экономической концепции развития страны по пути реформ. Он указывал на необходимость выработки ясной программы реформ, и прежде всего на скорейшее решение проблемы бюджетного дефицита, либерализацию экономики и формирование на этой основе конкурентной среды для отечественных товаропроизводителей, причем не скрывал, что предлагаемые меры будут непростыми. Шла речь и о неизбежности роста внешнего долга, причем с предостережениями о необходимости использования золотовалютных резервов и иностранных кредитов в целях осуществления реформ, а не ради поддержания статус-кво²⁹. Однако подобные предложения решительно отменялись политическим руководством (и прежде всего главой правительства Н. И. Рыжковым), в основном использовавшим аргументы морального плана, которыми прикрывалось отсутствие ответственной политики.

Таблица 2.1. Расходы государственного бюджета СССР на социально-культурные мероприятия в 1988–1990 годах

Показатель	1988 год		1989 год		1990 год	
	млрд руб.	%	млрд руб.	%	млрд руб.	%
Всего расходов	459,5	100	482,6	100	513,2	100
В том числе на социально-культурные мероприятия	151,3	32,9	149,3	30,9	170	33,1
Из них по основным статьям:						
просвещение и наука	59,6	13	54,5	11,3	59,9	11,7
социальное обеспечение	39,5	8,6	40,2	8,3	51,5	10
государственное социальное страхование	25,5	5,5	25,2	5,2	29,3	5,7
здравоохранение и физическая культура	21,9	4,8	24,6	5,1	28,5	5,6

Источник: Данные Госкомстата.

Таблица 2.2. Удельный вес изменения расходов на социально-культурные мероприятия в изменении расходов государственного бюджета СССР

²⁹ См.: Стенограммы I Съезда народных депутатов СССР. Т. 3. М., 1989. С. 48–57. Кстати, именно Н. П. Шмелеву принадлежит одна из первых концептуальных публикаций по проблемам осуществления радикальных и последовательных экономических реформ (Шмелев Н. П. Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6. С. 142–159).

Показатель	1989 год	1990 год
Изменение расходов государственного бюджета СССР, млрд руб.	23,1	30,6
Изменение расходов на социально-культурные мероприятия, млрд руб.	-2,0	20,7
Доля изменения расходов на социально-культурные мероприятия в изменении расходов государственного бюджета СССР, %	-8,7	67,6

Источник: Данные Госкомстата.

Вопрос о цене реформы отразил нарастание в стране экономического кризиса. Статистически спад производства еще отчетливо не проявился, и речь шла скорее о необходимости реформ, нежели о стабилизации ситуации. О кризисе пока не говорили, но его приближение было очевидно всем – по росту товарного дефицита, по ухудшению финансового положения страны. Неудивительно, что в это время, и прежде всего на съезде, прозвучали первые предложения об осуществлении мероприятий антикризисного характера.

Сформированное в середине 1989 года новое Правительство СССР в основных своих чертах являло собой классический вариант позднесоциалистического представления о реформизме. Это была своеобразная коалиция представителей ведущих хозяйственных лобби (военно-промышленного, энергетического, сельскохозяйственного) и экономистов, зарекомендовавших себя прогрессивно мыслящими бюрократами (В. С. Павлов, С. А. Ситарян, В. И. Щербаков) или реформаторами-интеллектуалами (Л. И. Абалкин). Экономическая часть правительства позволяла вполне определенно охарактеризовать его экономическую политику. Идеологически она не могла выйти за пределы конструкции «совершенствования хозяйственного механизма» в «планово-рыночной» его интерпретации. Практически же это должен был быть курс осторожных экономических мероприятий, оправдываемых соображениями постепенности и преемственности. В спокойной политической атмосфере этот курс был бы вполне естествен и, возможно, даже оптимален. Однако в ситуации нарастания системного кризиса (т. е. одновременно политического, экономического, социального, идеологического) он обрекал правительство на политику пассивного следования за событиями, «реагирования на проблемы», тогда как настало время решительных шагов на опережение, на предвосхищение кризисов.

2.2. Нарастание конфликтов и начало общего кризиса

Пожалуй, наиболее важной особенностью, позволяющей в концентрированном виде охарактеризовать экономико-политические процессы последних двух лет Союза ССР, является нарастание конфликтов. Они захватывали все более широкие слои населения, проникали во все сферы общественной жизни. Именно формирование общей конфликтной среды явилось доминантой процесса выработки и осуществления экономической политики, основным фактором, определяющим экономическое положение страны.

Существенным источником конфликтов оказалась сама деятельность Совета Министров СССР летом 1989 года, которая в совокупности с логикой системного кризиса, уже набравшего к тому времени определенный инерционный потенциал, определяла общие рамки и характер экономико-политических конфликтов рассматриваемого периода.

Отсутствие реального опыта функционирования демократических институтов, четкого представления о пределах полномочий органов управления, увлеченность абстрактной демо-

кратической фразеологией нередко приводили к весьма экзотическим решениям, имевшим тяжелые экономические последствия. В предыдущем разделе мы специально рассматривали ряд решений такого рода, объясняя их верой популярного нового руководства страны в свое всемогущество. Теперь на место бывшей уверенности во всемогуществе пришла неуверенность, неготовность брать на себя ответственность за осуществление непопулярных мер, необходимость которых стала на рубеже 1989–1990 годов достаточно очевидной. Причем свою неготовность принимать подобные решения руководство СССР попыталось прикрыть демонстрацией приверженности демократическим процедурам.

Одним из наиболее ярких и катастрофических по своим последствиям стало решение Совета Министров СССР «посоветоваться с народом» относительно проведения реформы цен. Отсутствие эффективной политики доходов во второй половине 80-х годов при сохранении государственного ценообразования и неизменности цен на большинство товаров привело к резкому дисбалансу на потребительском рынке. Необходим был или пересмотр цен в сторону их повышения (реформа цен), или отказ от их установления государством (реформа ценообразования).

Естественно, к последнему правительство не было готово ни идеологически, ни политически. А о пересмотре цен как о готовящейся мере Н. И. Рыжков объявил во всеуслышание. Реакция была незамедлительной и в хозяйственной, и в политической сферах. Произошел резкий скачок спроса, и товарный дефицит в считанные дни из явления распространенного стал, по существу, тотальным. Одновременно на Совет Министров СССР обрушился такой шквал критики, что пересмотр цен был отложен практически на два года (хотя экономические последствия заявления премьера требовали, казалось бы, действий, диаметрально противоположных)³⁰.

Другим типичным примером неустойчивости правительственного курса явилась попытка ввести 5 %-ный налог на продажи, введенный на рубеже 1990 – 1991 годов. Вскоре после принятия соответствующего решения под давлением лоббистов разного рода произошло резкое сужение круга облагаемой им продукции, и соответственно он (налог) мало способствовал решению бюджетных проблем.

Подобный перечень можно было бы продолжить. Общим же выводом из всего сказанного является то, что союзное правительство к началу 90-х годов оказалось неспособным проводить эффективную и последовательную экономическую политику. Решения, которых требовала экономическая ситуация, или вообще не принимались, или в ходе практической реализации быстро сводились на нет.

Причин такого положения правительства было немало. Помимо явных ошибок его руководства сказывалось и довольно неопределенное положение Совета Министров СССР в системе организации и функционирования институтов власти: уйдя в значительной мере из-под опеки партийных органов, министры оказались в исключительной зависимости от тяготеющих к популизму парламентариев. А ясного разграничения полномочий законодательной и исполнительной властей проведено не было. Нельзя упускать из виду и саму объективную логику развития событий: по мере крушения КПСС, по мере демонстрации высшим партийным руководством своей неспособности приспособиться к происходившим в стране изменениям росло естественное ослабление всей исполнительной вертикали, что неуклонно снижало возможности союзного правительства воздействовать на ход политических событий³¹.

³⁰ Вот как оценивает сложившуюся в 1990 году ситуацию Ю. К. Семенов, занимавший тогда пост министра энергетики и электрификации СССР: «У правительства Рыжкова не хватило воли и характера, чтобы занять жесткую позицию и не отступить перед Верховным Советом, президентом, которые начали колебаться, испугавшись...» (Ненашев М. Последнее Правительство СССР. С. 184).

³¹ «Без партии многонациональное Советское государство существовать не могло, ибо оно лишалось основного скрепляющего механизма», – заметил Н. И. Рыжков (Ненашев М. Последнее Правительство СССР. С. 31).

Неудивительно, что на этом фоне возникает цепь самых разнообразных конфликтов, которые назревали на всем пространстве СССР на протяжении 1989–1991 годов. Происходила поляризация общественных сил, все более ясным становилось, что различные социальные группировки (никак несводимые к традиционному для советской официальной социологии делению на рабочий класс, колхозное крестьянство и трудовую интеллигенцию) имеют далеко не одинаковые представления о перспективах политического и экономического переустройства советской системы. Причем конфликты все более политизировались, и даже те проблемы, которые поначалу выступали как неполитические (национальные, религиозные), в этот период перестройки обрели свой политический характер.

Важнейшими направлениями повышения «общего уровня конфликтности» выступали рост забастовочного движения и ослабление территориально-политического единства Союза СССР.

Начало массового забастовочного движения относится к лету 1989 года и по времени практически совпадает с завершением работы Первого съезда народных депутатов СССР. Начатые шахтерами в основном с набором экономических требований (которые, правда, вскоре дополнились требованиями политическими), забастовки быстро распространились на самые разные отрасли и сферы производства. Требования были самые различные – от повышения заработной платы и изменения условий труда на отдельном предприятии до изменения закупочных цен на продукцию всего аграрного сектора (этого требовали колхозно-совхозные руководители, угрожая начать забастовку в сельском хозяйстве).

И хотя забастовки по своим масштабам или скоординированности действий их участников (особенно на межотраслевом уровне) не представляли особой угрозы для политической власти (исключением является, пожалуй, только забастовка шахтеров весной 1991 года), они резко дестабилизировали общую ситуацию в стране.

Одновременно происходило ослабление территориального единства и целостности страны. Межнациональные конфликты, возникшие уже в первые годы перестройки, были дополнены ростом сепаратистских настроений как в союзных республиках, так и в отдельных автономных образованиях. Тому было несколько причин, каждой из которых было бы достаточно, чтобы взорвать федерацию, как только в ней исчезнет механизм, принудительно стягивающий ее субъектов в единое, а по сути дела – унитарное, государство.

Прежде всего сам факт ослабления союзного центра, его неспособность добиваться преодоления экономических сложностей трансформационного процесса подталкивали союзные республики искать выход из кризиса самостоятельно. Ослабление союзного центра и усиление республик, строго говоря, были процессами, друг друга обуславливающими. Проблема, разумеется, не сводилась лишь к стремлению субъектов федерации стать полноправными государственными образованиями и тем более к личным политическим амбициям их руководителей. Непоследовательность и противоречивость курса М. С. Горбачева – Н. И. Рыжкова стали к этому времени одним из важнейших источников экономико-политической нестабильности.

Вообще же гораздо более существенным моментом было принципиально разное понимание союзными республиками (и их руководителями) перспектив экономических и политических реформ, будущего общественного устройства, которое должно прийти на смену советскому тоталитаризму. Этот конфликт отчетливо проявился уже на Первом съезде народных депутатов СССР и с тех пор продолжал лишь углубляться. Балтийские республики стремились к формированию у себя современных рыночных демократий западного типа (еще даже до официальной постановки ими вопроса о выходе из СССР), к этому же склонялись Россия, Украина и Армения. Среднеазиатские лидеры предпочитали сохранение неокommунистической системы с более сильным национальным компонентом. Некоторые республики не имели еще достаточно выраженной позиции. Понятно, что подобная ситуация никак не способство-

вала ни укреплению союзного государства, ни проведению сколько-нибудь целостной политики реформ.

Этот конфликт резко усугубился после того, как в 1990 года прошли выборы в республиканские верховные советы. Проведенные на альтернативной основе, они дали субъектам Союза более или менее легитимные институты власти – как законодательной, так и исполнительной. Верховные советы приступили к законотворческой деятельности, которая дала мощный импульс процессу разъединения хозяйственного законодательства участников федерации. Одновременно союзные республики предприняли шаги по формированию собственной бюджетной системы и установлению жесткого контроля за отчислениями в союзный бюджет. Принципиальным моментом явилось здесь вступление на путь сепаратизма России, принявшей в июне 1990 года Декларацию о суверенитете.

Процесс суверенизации союзных республик стал внешней формой проявления глубокого конфликта перераспределения власти в условиях сосуществования различных ее (власти) субъектов. Конституция СССР не давала четкого определения полномочий политических институтов, поскольку реально власть концентрировалась в вертикали партийных органов. С ликвидацией этой вертикали и ослаблением союзного центра возникла ситуация институциональной неопределенности. Полномочия объективно перераспределялись в пользу союзных республик. И этот процесс протекал, естественно, в форме острой борьбы – как институциональной (между органами власти разных уровней), так и личностной.

В результате борьбы за власть быстро произошло изменение «весовых соотношений» политических и экономических проблем. Политические факторы и аргументы заняли абсолютно доминирующее положение, а соображения экономической целесообразности отошли на задний план. Экономические процессы стали заложниками политических решений, а экономическая политика формировалась как результат политического противостояния.

Наиболее наглядно все это проявилось в противоборстве между органами власти России и СССР. Так, в условиях быстрого роста дефицита государственного бюджета Правительство СССР осенью 1990 года предоставляет госпредприятиям определенную свободу ценообразования (в пределах 50 – 100 % преysкурантной цены), что оборачивается немедленным снижением налоговых поступлений, поскольку одной из основных статей дохода госбюджета был тогда налог с оборота как фиксированная сумма в цене на конкретный вид продукции. Увеличение цены предприятием вело к соответствующему снижению заключенного в ценах налога с оборота.

Одновременно начинается налоговая дуэль: руководители России и СССР, стремясь заручиться политической поддержкой трудовых коллективов, последовательно принимают решения о снижении ставки налога на прибыль – разумеется, в одном случае для тех предприятий, кто готов перейти под юрисдикцию России, а в другом – для тех, кто остался в союзном ведении.

Аналогичные примеры были характерны и для сельского хозяйства. Осенью 1990 года Совет Министров СССР принимает решение о повышении закупочных цен, что в ситуации растущего дефицита промышленных товаров лишь дестимулировало сельхозпроизводителей продавать свою продукцию. Правительство же России, желая опередить политического конкурента, вводит соответствующие цены раньше, чем это предполагали сделать в СССР. Естественно, это внесло заметный «вклад» в ухудшение продовольственной ситуации.

На протяжении 1990 – начала 1991 года происходило также и своеобразное «перетягивание каната» по вопросу о том, кто возьмет на себя ответственность за непопулярное решение о пересмотре розничных цен. Союзное правительство после неудачной попытки Н. И. Рыжкова решить проблему «демократическим путем» стремилось к принятию совместного решения с субъектами федерации, на что последние идти отказывались. (Особо складывалась ситуация в Балтии.)

В ряде республик начинается разработка собственных экономических программ, альтернативных концепциям и заявлениям союзного правительства. Одобренная российским Верховным Советом программа «500 дней» явилась лишь одним, хотя и наиболее ярким, эпизодом «войны программ», которая велась между союзным центром и руководством ряда республик на протяжении 1990 – 1991 годов. В одних случаях «война программ» являлась прежде всего формой политического противоборства (как это было с той же программой «500 дней»), и дело не доходило до принятия реальных мер в области экономики. Но в других случаях институты власти союзных республик приступали к осуществлению экономических решений, порывающих с практикой союзного правительства и правительств других субъектов Федерации. Это наглядно свидетельствовало, что республики Союза не только ориентировались на различные целевые установки своего развития, но и по-разному видели пути преодоления кризисных явлений в экономике.

Особенно наглядно это демонстрировали в 1990 – 1991 годах прибалтийские республики. После формирования в 1990 году новых органов власти они взяли курс на осуществление реформ либерального типа. Были предприняты шаги в направлении к свободному ценообразованию, начаты процессы приватизации. Причем именно этим правительствам был наименее свойствен уклон в сторону популизма. (Например, летом 1991 года минимальный уровень зарплаты был установлен в Белоруссии в 265 руб., а в Эстонии с ее гораздо более высокими ценами – 250 руб.) Политика финансовой стабилизации явно ставилась во главу угла в системе экономических приоритетов Балтии.

Неопределенные позиции занимало и руководство России. С одной стороны, оно стремилось обеспечить быструю разработку новой законодательной базы. Так, летом 1991 года были приняты законы РСФСР о приватизации, о собственности, об иностранных инвестициях (хотя быстрота разработки нередко отражалась на качестве принимавшихся документов). С другой стороны, сильны были здесь и настроения популизма, во многом объяснявшиеся комфортностью положения российских органов власти: когда подавляющая часть хозяйства оставалась в союзной компетенции, российские политики хотя и ощущали недостаток власти, но вполне могли восполнить его возможностью набирать очки в общественном мнении за счет жесткой (и нередко справедливой) критики союзного правительства.

В настроениях же руководителей большинства республик доминировал отчетливо выраженный популизм. Особенно это было заметно там, где республиканская власть не воспринималась населением как вполне легитимная и потому ощущала неустойчивость своего положения. (Типичными примерами могут быть Белоруссия и Туркмения.)

Итак, к началу 90-х годов Советский Союз оказался опутанным сетью конфликтов, сопровождавшихся быстро прогрессирующей политической неопределенностью. И одновременно (а отчасти и вследствие этой политической неопределенности) страна явно вошла в полосу кризиса. В 1990 году обсуждавшаяся в экономических и политических кругах проблема поиска путей осуществления реформ трансформируется в дискуссию о преодолении кризиса. По сути дела, вопрос все чаще ставится так: зашла ли страна в тупик и для выхода из него надо попытаться вернуться назад или же это масштабный кризис, преодоление которого возможно лишь при движении вперед, через проведение решительных и последовательных реформ.

2.3. Попытка консервативной стабилизации

Нараставшие кризисные явления острее всего сказывались, естественно, на положении союзного руководства. Именно оно являлось заложником кризиса, а потому попыталось предпринять решительные шаги, способные переломить тенденцию его нарастания.

На рубеже 1990 – 1991 годов происходила перегруппировка сил в высших эшелонах власти Союза ССР. Совет Министров СССР был заменен непосредственно подчиненным

Президенту СССР Кабинетом министров во главе с В. С. Павловым. В руководстве страной происходит укрепление позиций деятелей, известных своими консервативными экономико-политическими взглядами (борьбой против нарождавшегося негосударственного сектора в экономике, жесткой позицией в отношении демократических процессов). Причем это были представители нового поколения политиков, не связанных с обновленческими иллюзиями первых лет перестройки, но зато имевших прочные контакты с бюрократической номенклатурой в регионах или в военно-промышленном комплексе.

Политические приоритеты определились довольно быстро. Фактически была сделана попытка силовыми методами (или угрозой применения силы) законсервировать или даже несколько вернуть назад политическую ситуацию. Речь не шла о восстановлении традиционного социализма, но имелось в виду «навести порядок» и на этой почве провести ряд экономических мероприятий стабилизационного характера. Отчетливой программы действий, пожалуй, не было ни у кого. Было лишь ясное желание остановить развал. И добиться этого считали возможным в рамках политического курса, который можно определить как консервативно-стабилизационный³².

С одной стороны, союзное руководство попыталось остановить центробежные тенденции, которые явно вели к распаду СССР. Это действительно была сердцевина политического кризиса. И в начале 1991 года союзные власти провели силовые акции в Прибалтике, призванные продемонстрировать готовность к жестким и решительным действиям. В заявлениях М. С. Горбачева зазвучали несвойственные ему ранее угрожающие интонации.

По сути, это была попытка повторения классического цикла экономико-политического развития социалистической страны (см. об этом выше). Однако было уже поздно. Партийная вертикаль была если не окончательно разрушена, то, во всяком случае, полностью дискредитирована. Общественные движения (включая забастовочные) были на подъеме. У субъектов Федерации появились легитимные органы власти³³.

Всеобщее неприятие курса силовых акций заставило М. С. Горбачева отступить, и с мая 1991 года начинается переговорный процесс между руководителями девяти республик и СССР об основах формирования нового Союза (так называемый Новоогаревский процесс). Вместе с тем неучастие в этом процессе ряда субъектов Федерации означало фактическое признание их возможности покинуть Союз.

С другой стороны, Кабинет министров попытался продемонстрировать жесткость курса своей экономической политики.

Курс, взятый В. С. Павловым, свидетельствовал о сильном влиянии ВПК, склонного к силовым методам решения хозяйственных и политических проблем, более других секторов заинтересованного в укреплении госсобственности в противовес альтернативной экономике и слабо зависящего в своей производственной деятельности от внешнеэкономических связей.

В программном интервью премьера³⁴ в качестве первоочередных задач правительства выдвигались усиление центральной власти, развитие тяжелой промышленности, ее форсированная модернизация самим государством, проведение «малой» приватизации на основе единой общегосударственной собственности, сохранение в основном коллективного землепользования в сельском хозяйстве. Одновременно он обвинил ряд частных банков Швейцарии,

³² Собственно, это была попытка «китаизировать» реформы – заморозить политические реформы и осуществлять осторожные шаги по внедрению элементов рыночных отношений в советское народное хозяйство.

³³ Одновременно была предпринята попытка оказать экономическое давление на прибалтийские республики, используя в качестве рычага зависимость последних от поставок энергоресурсов извне. Однако из этого также ничего не вышло, причиной чему была сама логика функционирования экономики в условиях кризиса и отсутствия стабильной валюты. Поскольку происходила быстрая бартеризация экономических отношений (т. е. не работали ни рубль, ни приказ), никакие указания центра не могли запретить производителям (или обладателям) различных видов продукции обмениваться ею между собой, причем в массовых масштабах.

³⁴ Труд. 1991. 12 февр.

Австрии и Канады в стремлении дестабилизировать политическую ситуацию в СССР, еще более снизить курс рубля и затем скупить по низким ценам значительную часть отечественных средств производства. В официальных заявлениях вновь появились рассуждения о необходимости защиты страны от происков международного капитала. Президент своим указом санкционировал прямое вмешательство органов МВД и КГБ в хозяйственную деятельность предприятий (включая совместные) на территории СССР. Все это резко ограничило интерес зарубежных партнеров не только к инвестиционной, но и к торговой деятельности с Советским Союзом.

Суть нового курса в экономической политике состояла в поддержке и укреплении традиционных государственных хозяйственных структур, сосредоточении в руках государства финансовых и материальных ресурсов, чтобы, используя традиционные для советской системы инструменты, обеспечить преодоление кризиса и технологический прорыв в некоторых ведущих отраслях народного хозяйства. Альтернативные экономические структуры здесь остаются на второстепенных ролях, и их активное включение в хозяйственный процесс в лучшем случае переносится в будущее.

Весьма важным было наконец-то состоявшееся решение о пересмотре розничных цен. Прежде всего оно имело политическое и психологическое значение: это было первое за несколько десятилетий решение об изменении практически всех цен, что нанесло непоправимый удар по традиционному советскому менталитету, ориентированному на стабильность цен.

Наконец, в деятельности Кабинета министров явно проявилась тенденция, которая в будущем станет одной из определяющих, – концентрация власти в руках исполнительных институтов за счет представительных с дальнейшей персонификацией этой власти. В июне 1991 года В. С. Павлов потребовал у Верховного Совета фактически чрезвычайных полномочий для проведения стабилизационной политики.

Однако все попытки союзного руководства перевести развитие на рельсы консервативной стабилизации не приводили к сколько-нибудь ощутимому результату. Центробежные процессы приобрели инерционный характер, а консервативные меры ассоциировались в общественном мнении с возвращением к доперестроечным временам, что было тогда крайне непопулярно.

Законодатели воспротивились передаче Кабинету особых полномочий. Более того, явственно обнаружилась своеобразная дихотомия союзных институтов власти: в то время как правительство стремилось притормозить процессы системных преобразований, Верховный Совет СССР работал над целым рядом законодательных актов, призванных создать правовую базу формирования и функционирования рыночных структур (законопроекты о приватизации, о предпринимательстве, новые Основы гражданского законодательства и т. д.). И он не был готов ни к отказу от части своих полномочий, ни к пересмотру своей законотворческой программы.

Не дала желаемого эффекта и попытка стабилизации ситуации на потребительском рынке путем пересмотра цен. Острота проблемы «денежного навеса» была лишь ненадолго ослаблена. Обратной стороной повышения цен стало ускорение накачивания экономики деньгами. Пошла волна компенсаций роста цен – как на союзном уровне, так и на республиканском.

Более того, повышение цен стало точкой легализации уже начавшихся к тому времени процессов проедания производственных фондов предприятиями. Кабинет министров разрешил использовать часть средств фондов развития на компенсацию роста цен, а ряд предприятий Минска при помощи забастовок добился права использовать для этих целей часть амортизационных отчислений. Это был верный признак перехода экономического кризиса в стадию распада хозяйственной системы.

Хотя само решение о повышении цен было единообразным и централизованным (этого хотели сами республики, желая снять с себя ответственность за непопулярные решения), оно существенно расширило компетенцию регионов в осуществлении ценовой политики, особенно в области потребительских товаров.

Неудача попыток осуществления консервативной стабилизации в рамках существующего правового пространства толкнула часть руководства Союза ССР на принятие чрезвычайных мер, вылившихся в попытку государственного переворота 19–21 августа 1991 года. Характерной особенностью путча была не только нерешительность его лидеров, но также и практически полное отсутствие социалистической терминологии в их заявлениях и документах. Акцент делался на достижение стабилизационных целей, хотя сама экономическая программа, как она была официально заявлена 19 августа, была предельно популистской и практически нереализуемой.

Провал августовского путча привел к фактической ликвидации союзных органов власти и, следовательно, СССР как целостного государства.

Занявший место правительства Межгосударственный экономический комитет (МЭК) не имел властных полномочий. Единственное, чем он мог заниматься, так это дележом наследства Союза между его субъектами. В рамках МЭК была предпринята попытка выработки и подписания Экономического соглашения между республиками. Но обилие взаимных претензий республик друг к другу, с одной стороны, и разнонаправленность их экономико-политических целей, с другой стороны, делали подобный договор нереализуемым. Кроме того, проект соглашения, выработанный под руководством заместителя председателя МЭК Г. А. Явлинского, отличался предельной абстрактностью (да иным он быть и не мог) и предполагал заключение вслед за ним нескольких десятков соглашений по конкретным вопросам. А это было уже в принципе нереально, так как следовало согласовать позиции десяти весьма различных участников переговоров в кратчайшие сроки.

Однако для этого не оставалось ни политических возможностей, ни времени. Страна приближалась к катастрофе. Потребительский рынок был полностью разрушен. Города испытывали трудности с продовольствием. Нарастали проблемы энергоснабжения, что грозило быстрым обвалом производства и нехваткой тепла для населения в условиях приближающейся зимы.

Ниже мы приведем один пример. Это выдержки из справки о состоянии торговли в ряде крупнейших индустриальных регионов страны (точнее, в Архангельской, Челябинской, Кемеровской, Пермской, Екатеринбургской, Тульской областях и в Хабаровском крае) на 29 ноября 1991 года. Обратим внимание, что подобные справки Правительство России регулярно получало до весны 1992 года, а когда острота проблемы спала, чувство опасности, к счастью, быстро исчезло из памяти людей.

«На всех этих территориях складывается крайне тяжелое положение в торговле. Продажа мясопродуктов, масла животного, масла растительного, крупы, макаронных изделий, сахара, соли, спичек, табачных изделий, алкогольных напитков, мыла хозяйственного, туалетного и других производится в основном по талонам и по мере поступления этих товаров в торговую сеть.

Отпуск хлеба и хлебобулочных изделий ограничен, реализация молокопродуктов происходит по мере их поступления, при наличии больших очередей и ограниченном времени торговли.

Архангельская область. Мясопродукты реализуются из расчета 0,5 кг на человека в месяц, которые не обеспечены ресурсами. Срывают отгрузку мяса Белоруссия, Ростовская, Ульяновская области...

Молоко имеется в продаже в течение не более часа. Масло животное продается по талонам из расчета 200 г на человека в месяц. Талоны не обеспечены ресурсами из-за недогруза

Вологодской и Смоленской областями. Мукой в рознице не торгуют, она поступает только для хлебопечения. До конца года недостаток фондов на муку 5,0 тыс. т. Хлебом торгуют с перебоями. Сахар отпускают по 1 кг в месяц на человека, талоны на него из-за недогруза заводов Украины с июня не отовариваются...

Нижегородская область. Мясопродуктами торгуют по талонам, на декабрь не хватает ресурсов, молоком торгуют в течение одного часа. Масло животное реализуется по талонам – 200 г на человека в месяц. Не хватает ресурсов. Растительное масло в продаже отсутствует, так как оно не отгружается поставщиками Краснодарского края, Украины, а также не поставляется по импорту. С перебоями торгуют хлебом, не хватает зерна на хлебопечение до конца года в количестве 20,0 тыс. т.

Пермская область. На декабрь выдано талонов на масло животное по 200 г на человека, но ресурсов под них нет. Отказывают в отгрузке Смоленская, Пензенская, Оренбургская, Тверская, Липецкая области, Республика Татарстан. Растительного масла в продаже нет, так как поставщики Волгоградской, Костромской, Саратовской областей и Краснодарского края не отгружают его. Сахар отсутствует в продаже. Срывают его отгрузку заводы Курской и Воронежской областей. Хлебом торгуют с перебоями при наличии больших очередей. Не хватает муки на хлебопечение в объеме 15,0 тыс. т».

В других индустриальных районах положение было не лучше.

Экстремальная ситуация требовала экстренных мер, мобилизации всех ресурсов. Однако золотовалютные резервы были уже истрачены. К концу 1991 года золотой запас бывшего Советского Союза упал до беспрецедентно низкой отметки – всего 289,6 т. Он был уже несопоставим по масштабам даже с самыми срочными финансовыми обязательствами и потребностями страны.

Складывающаяся ситуация требовала принятия экстренных мер. Ответственность за них взяла на себя Российская Федерация и лично ее президент в ноябре 1991 года. Страна (или, точнее, государства, объединенные в рамках СССР) вступала в новую фазу своего экономического и политического развития.

Глава 3. По пути глубоких преобразований (1992–1994)

3.1. Политические факторы начала радикальных экономических реформ

Конец 1991 года знаменовал собой вступление нашей страны в принципиально новый этап своего развития. Это было не просто начало очередной фазы стартовавшего в середине 80-х годов процесса реформирования советского общества. Произошли два коренных сдвига, имевших долгосрочные и всеобъемлющие экономико-политические последствия. Во-первых, на смену политике позднесоциалистического реформизма пришло решение задач посткоммунистической трансформации. Во-вторых, центр тяжести этого процесса переместился на уровень бывших союзных республик, ставших независимыми государствами.

На плечи российского руководства уже осенью 1991 года легла вся полнота ответственности за состояние дел, в том числе и за положение в народном хозяйстве. А положение было катастрофическим и ухудшалось буквально на глазах. Это требовало немедленных и решительных действий, что было тем более непросто, поскольку российское правительство традиционно не было способно к проведению самостоятельной политики: оно всегда пассивно следовало в фарватере союзного курса, безоговорочно принимая или, напротив (с 1990 года), ожесточенно критикуя его.

Теперь фарватер исчез. Президент России должен был сделать ответственный политический выбор. Причем существовало два альтернативных варианта дальнейших действий.

Во-первых, попытаться стабилизировать экономическую ситуацию при помощи внеэкономических инструментов, в основном традиционных для советского хозяйственного механизма, – ужесточить снабженческо-сбытовую систему, сбалансировать цены путем их очередного подъема, прибегнуть к широкомасштабному использованию карточного распределения потребительских товаров по социально обоснованным ценам и т. п. Одновременно с этими мерами правительству (если бы оно действительно оказалось реформистским) следовало заняться подготовкой мероприятий и процедур, позволяющих осуществить комплексную социально-экономическую трансформацию, включая либерализацию экономики и институциональные реформы. Такое развитие событий представляло бы собой, по существу, консервативный вариант, хотя и с известными модификациями – его проводило бы более популярное, нежели Кабинет М. С. Горбачева – В. С. Павлова, правительство. Более определенными были бы его стратегические установки на постепенную декоммунизацию общества. Короче говоря, логика этой политики может быть сформулирована так: стабилизация экономической ситуации должна предшествовать осуществлению реформ. Судя по всему, именно такому курсу отдавал предпочтение Г. А. Явлинский осенью 1991 года.

Во-вторых, открывалась перспектива быстрого проведения рыночных реформ, которые сами по себе уже могли бы стать фактором экономической стабилизации, при одновременном осуществлении хорошо известных мировой практике мероприятий собственно стабилизационного характера (ограничение бюджетного дефицита, рестриктивная кредитная политика). Здесь фактически во главу угла ставились меры либерализации и макроэкономической стабилизации, постепенно (по ходу выработки соответствующего законодательства) дополняемые мерами институциональной трансформации.

Первый вариант был более понятен как для менталитета советского хозяйственно-политического истеблишмента, так и для широких слоев населения, в принципе ожидавших от вла-

стей мероприятий административно-принудительного характера (во всяком случае в экономической сфере) и привыкших за десятилетия коммунистического режима, что именно такой курс избирается для преодоления хозяйственных затруднений. Однако практическая реализация подобной политики в случае ее выбора упиралась в одну проблему: в России рубежа 1980 – 1990-х годов не было политических и организационных механизмов, способных обеспечить осуществление «административной стабилизации». Не было жесткой вертикали организации власти сверху донизу, утратили былую эффективность органы принуждения, основательно подорванной оказалась система поддержания правопорядка. Словом, Россия (равно как и СССР в последние месяцы своего существования) оказалась страной с ослабленными государственными институтами. Слабое государство было объективной реальностью, которая должна была приниматься в расчет при выборе экономико-политической стратегии. Слабое государство Россия получила в наследство от СССР, и она должна была практически заново воссоздавать свою государственность. Это в значительной мере предопределяло выбор экономического курса.

Вполне очевидны были и сложности второго варианта. Такая политика была малопонятной и непривычной для общественного мнения. Она гарантировала (безотносительно к ее подлинной эффективности) падение популярности решившихся ее осуществлять политиков. В кратчайшие сроки она переводила экономику страны в качественно новую ситуацию, в которой практически ни у кого из экономических агентов не было опыта функционирования. Была ясна неизбежность существенного скачка цен в момент их либерализации, причем осложняющим фактором являлась высокая степень монополизации народного хозяйства. Но вместе с тем этот путь решительно отбрасывал многие иллюзии, характерные для раннереформаторской деятельности, и прежде всего иллюзию всемогущества демократического и популярного правительства. Этот курс с самого начала означал признание наличия в России слабого, хотя и гипертрофированного, государства и из этого исходил при выработке экономических и политических ориентиров.

Президент России после примерно двухмесячных колебаний сделал выбор в пользу второго варианта и объявил об этом в конце октября 1991 года на V съезде народных депутатов РСФСР. В начале ноября формируется качественно новое правительство, во главе которого официально становится президент, берущий на себя ответственность за новый экономический курс.

Политически то был весьма опасный момент. Многое зависело от первоначальной реакции как хозяйственно-политических кругов, так и общественного мнения. Однако ситуация разрешилась благополучно, чему способствовало переплетение, по крайней мере, трех факторов. Во-первых, Б. Н. Ельцин находился в зените своей популярности и исходившие от него предложения, как правило, находили полную поддержку и среди депутатского корпуса, и в обществе (табл. 3.1). Во-вторых, тогда были дезорганизованы наиболее консервативные и политически активные группы давления (военно-промышленное и колхозно-совхозное лобби), лидеры которых оказались замешанными в августовской попытке государственного переворота. (Кроме того, руководители советских предприятий, воспитанные в обстановке товарного дефицита и диктата производителя, не имели реального представления о проблеме спросовых ограничений на свою продукцию и поэтому воспринимали либерализацию цен и хозяйственных связей как возможность свободной реализации своих изделий по устанавливаемым ими завышенным ценам.) Наконец, в-третьих, в народе накопилась известная социальная усталость, делающая возможность социальной дестабилизации в результате роста цен маловероятной, отсутствовало массовое популярное и популистское движение (типа польской «Солидарности») и одновременно практически не было завышенных требований и надежд на «экономическое чудо».

Острота экономической ситуации в совокупности с поражением союзного руководства в его противостояниях с российской властью обусловила определенный сдвиг в соотношении между экономическими и политическими проблемами. В конце 1991 года создавалось впечатление, что основная политическая борьба завершена, власть находится в одних руках и внимание лидера должно быть сосредоточено на проведении экономической реформы. Казалось, что экономика перестает быть заложником политики и приобретает самостоятельное или даже доминирующее значение. Отчасти это было верно: от успехов или неудач в экономической сфере зависела политическая судьба руководителей России.

В этот момент – осознанно или неосознанно – принимается принципиальное решение – реформа политической системы фактически останавливается. Если в 1988–1989 годах политическая реформа занимала первостепенное внимание М. С. Горбачева и его окружения, то теперь Б. Н. Ельцин решает заморозить ситуацию, сохранить статус-кво в организации государственной власти.

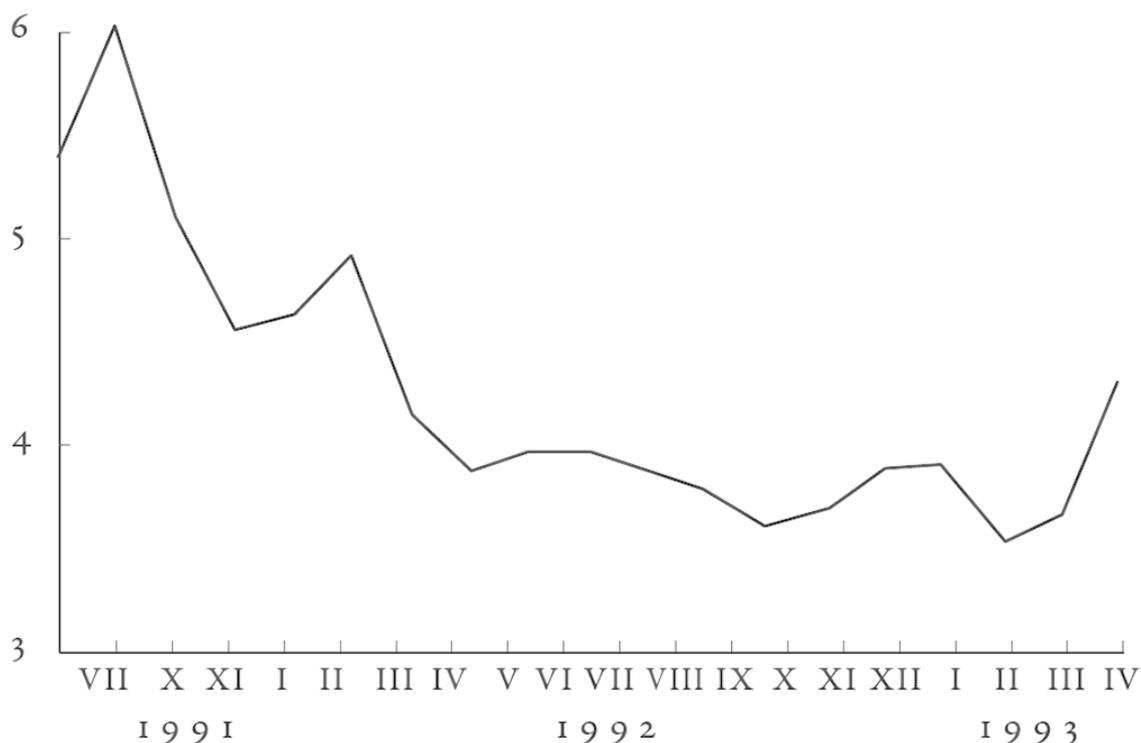
Как показало дальнейшее развитие событий, такое решение было ошибочным. И дело не только в том, что не были проведены новые выборы законодательного корпуса независимой России, о чем позднее писали многие политические аналитики. Эти выборы вряд ли дали бы качественно иной состав представительных органов. Нужна была решительная реформа организации государственной власти сверху донизу, в результате которой в эту систему были бы внесены ясность и четкость. В советском конституционном строе было два явных пробела: распределение полномочий между институтами власти по вертикали и проведение принципа разделения властей по горизонтали. Да это в общем-то было и несущественно для тоталитарного строя, основанного на иерархии партийных органов. Но именно эти пробелы исключительно болезненно дали о себе знать вскоре после начала реальных экономических реформ.

Таблица 3.1. Рейтинг президента Бориса Ельцина по 10-балльной шкале
(Цифры соответствуют полученным значениям в каждом месяце)

Год	Месяц	Балл
1991	VII	5,36
	X	6,01
	XI	5,07
<hr/>		
1992	I	4,54
	II	4,62
	III	4,90
	IV	4,15
	V	3,86
	VI	3,96
	VII	3,97
	VIII	3,86
	IX	3,77
	X	3,60
	XI	3,69
	XII	3,89
<hr/>		
1993	I	3,91
	II	3,53
	III	3,66
	IV	4,32

Источник: Данные ВЦИОМ.

Источник: Данные ВЦИОМ.



Впрочем, нельзя сказать, что политические проблемы в принципе отошли на задний план по сравнению с экономикой. Для проведения экономических реформ одной из основных проблем стало отсутствие их ясного политического пространства. Полнота экономической власти, как будто бы сосредоточенная в руках российского правительства, наткнулась на существенные препятствия. С одной стороны, это сохранение формального союзного руководства, уже неспособного проводить осмысленную экономическую политику, но вполне способного принимать решения, дестабилизирующие ситуацию в России. С другой стороны, неопределенность взаимоотношений с другими республиками, экономические решения которых (зачастую крайне популистские) непосредственно отражались на результативности курса российского правительства. Попытки урегулировать эти отношения на основе коллективного договора явно терпели провал, и по мере приближения момента либерализации цен неопределенность в этой области становилась все более недопустимой. (Уже хотя бы потому, что неосторожность и неэффективность финансовой политики в ситуации отпуска цен могли столкнуть страну в пучину гиперинфляции.) В этой ситуации руководство России вместе с руководством Украины и Белоруссии пошло на денонсацию Договора 1922 года об образовании Союза ССР и выступило с инициативой формирования Содружества Независимых Государств. Россия получила под свой полный контроль финансовую и денежную системы. Хотя, конечно же, это был лишь первый, пусть и очень важный, шаг обретения Россией подлинного экономического суверенитета.

Политическое пространство экономических реформ становилось более или менее фиксируемым. Разумеется, ситуация осложнялась неурегулированностью комплекса политико – правовых вопросов взаимоотношений с бывшими союзными республиками, абсолютной прозрачностью границ, неразделенностью денежно-кредитной системы и т. д., но, во всяком случае, были заданы определенные рамки и направления решения межреспубликанских проблем. Руководство России, равно как и руководство других, ставших суверенными государств, отныне могло четко фиксировать реальные географические границы своей компетенции в деле экономических и политических реформ.

3.2. Экономическая политика и динамика социальных сил

Строго говоря, история посткоммунистической трансформации российской экономики – это во многом история формирования и трансформации политически влиятельных групп интересов, их возникновения и развития, движения навстречу друг другу или, напротив, поляризации. Особенностью же российской общественной жизни рассматриваемого периода было то, что наиболее влиятельной в политическом отношении силой являлись хозяйствующие субъекты – предприятия и их объединения, финансовые и торговые структуры. Имея непосредственные связи в институтах власти, обладая материальными, людскими, финансовыми ресурсами и будучи лучше всего организованными, они могли оказывать непосредственное воздействие на процессы выработки и принятия решений в области экономической политики. Судя по всему, это является вообще характерной чертой общества, экономика которого подвергается глубокому реформированию. И уж тем более политизация хозяйственных субъектов становится практически неизбежной, когда происходит трансформация самой социальной системы, когда старые политические группировки оказываются разрушенными, а новые еще не успели сформироваться: ведь в данном случае речь идет о переходе от тоталитарной системы, в которой общественно-политические организации, альтернативные официальным, были просто запрещены.

Итак, российские предприятия на какое-то время стали непосредственными участниками политической жизни. От их позиции, от их взаимодействия с институтами власти в немалой мере зависела судьба экономических реформ. Они становились и источниками формирования ряда новых общественных организаций. И теперь нам надо проследить, как трансформировались их экономические интересы и как это отражалось на экономической политике.

Сформированное в ноябре 1991 года Правительство России было новым не только по форме, но и по существу. Оно не имело явных и устойчивых связей ни с какими группами интересов производственно-хозяйственной сферы. Задачи, которые оно ставило перед собой, детерминировались исключительно соображениями экономической целесообразности и являли более или менее стандартный набор мер, способных затормозить развертывание кризиса и не допустить экономической катастрофы. Либерализация цен на основную массу товаров и услуг, сопровождаемая ценовым скачком, в совокупности с ужесточением финансовой, кредитной и денежной политики должна была привести к результатам, которые могли бы рассматриваться в качестве критериальных. Это быстрое (в течение нескольких месяцев) замедление роста цен и выход на «ценовое плато»; появление товаров в магазинах и преодоление ситуации товарного дефицита; постепенная стабилизация валютного курса и отказ от множественности курсов; активизация процессов структурной перестройки, начиная с банкротства неэффективных предприятий и заметного роста безработицы.

Правительство на первом этапе действовало при отсутствии явной социальной опоры своему курсу. Тем самым оно развязывало себе руки при проведении непопулярных, но необходимых мер, оставаясь максимально нейтральным по отношению к различным «группам давления». Хотя быть невосприимчивым к их настойчивому лоббированию на практике оказалось нереальным.

Технически решение названных выше задач было вполне возможно. Главными проблемами антиинфляционного курса были его социальная цена и политическое сопротивление реципиентов государственной помощи (в виде субсидий, льготных цен, дотаций и т. д.), круг которых по мере падения эффективности советской экономики все более расширялся.

Таким образом, уровень инфляции после либерализации цен становился не столько экономическим, сколько интегральным политическим показателем, характеризующим устой-

чивость позиций правительственной команды реформаторов, состояние политического климата в России и перспективы реализации данного типа рыночных реформ.

Уже первые шаги правительства вызвали резкое сопротивление, которое поначалу приняло чисто политические формы. Против либерализации цен решительно высказались вице-президент А. В. Руцкой и председатель Верховного Совета Р. И. Хасбулатов. При всей серьезности таких заявлений за ними пока стояли не сколько-нибудь внушительные общественные силы, а политические комбинации в институтах власти, не говоря уже о склонности названных политических деятелей к популизму.

Однако весной появились явные признаки сплочения социальных групп в оппозицию решительному антиинфляционному курсу правительства, к этому времени уже отождествляемому с именем Е. Т. Гайдара.

Нарастание кризиса неплатежей стало общей основой формирования оппозиционного блока, фундаментом которого стал директорский корпус госпредприятий. Взаимная задолженность как бы уравнивала различные предприятия, отодвигала на задний план их более глубокие различия по возможностям адаптации к рыночным условиям. И потенциальные банкроты, и потенциальные лидеры оказались в одинаковой ситуации отсутствия финансовых ресурсов, запутанности расчетов с поставщиками и потребителями. Социальное единство разнородных производителей было в какой-то мере закреплено и июньским указом президента о банкротстве, в соответствии с которым практически любое предприятие подпадало под формальные признаки банкротства.

Другой причиной, побудившей различные слои производителей к быстрой политической самоорганизации, стала дискуссия вокруг либерализации цен на энергоносители. Соответствующее заявление в Меморандуме, направленном в Международный валютный фонд (март 1992 года), стало едва ли не самой серьезной политической ошибкой правительства. Здесь в какой-то мере была предпринята попытка повторить благоприятный опыт заблаговременного объявления о либерализации цен осенью 1991 года. Тогда этот шаг позволил населению психологически подготовиться к жизни в новых условиях, а производители и товаропроводящая сеть смогли накопить запасы. Кроме того, абсолютное большинство промышленников до 2 января 1992 года еще довольно смутно представляли себе последствия отпуска цен со стороны спроса: многие из директоров госпредприятий смотрели на свободу цен как на возможность улучшить свое положение за счет потребителей, имея слабое представление о феномене «спросовых ограничителей». К весне ситуация резко изменилась, и опасность освобождения цен на энергоносители в совокупности с кризисом неплатежей и маячившей (пока, правда, на уровне политических деклараций) угрозой банкротства сыграла цементирующую роль в формировании производственной «партии интересов» – мощного союза постсоветских производителей, на время объединившего как умеренных, так и консервативных политиков.

В апреле – мае 1992 года сложился причудливый союз производителей из различных отраслей и сфер хозяйственной деятельности, до того являвшихся непримиримыми конкурентами при делении ресурсов госбюджета. Особенно ярко это проявилось в коалиции лидеров военно-промышленного и агропромышленного комплексов: первые требовали кредитных инъекций не только для себя непосредственно, но и для аграрников, рассчитывая, что эти кредиты будут использованы прежде всего на закупку производимой ими же продукции сельскохозяйственного машиностроения, спрос на которую в 1992 году резко упал.

Одновременно усиливалось взаимодействие между организациями, объединявшими директорский корпус госпредприятий, и традиционными (оставшимися от коммунистической системы) профсоюзами. Особенно показательным было соглашение между набравшим тогда силу Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП) и Федерацией независимых профсоюзов (ФНПР – наследницей советского профцентра – ВЦСПС), заключенное в мае 1992 года и имевшее явный антиправительственный характер. Речь шла о формирова-

нии механизма согласованных действий между двумя участниками шедших с февраля переговоров в рамках «трехсторонней комиссии» в противовес третьей стороне – правительству. Цель соглашения была с самого начала очевидна: и промышленники, и профсоюзы стремились предотвратить опасность остановки инфляции ценой начала реальных банкротств и роста безработицы. Лидеры ФНПР и Московской федерации профсоюзов уже в марте недвусмысленно давали понять, что, с их точки зрения, инфляция является для трудящихся меньшим злом, чем безработица (хотя вопрос об уровне приемлемой инфляции в этом контексте не обсуждался и не ставился).

Словом, к началу лета 1992 года сложился мощный проинфляционный блок, включавший разнообразные группы интересов, блок, имевший сильные позиции и в производственной сфере, и в среде законодателей (о чем наглядно свидетельствовали решения состоявшегося в апреле VI съезда народных депутатов России), и в средствах массовой информации. Политическое оформление этот блок получил в конце мая – начале июня, когда была создана партийная надстройка РСПП – Всероссийский союз «Обновление», а вскоре сформировался и «Гражданский союз», включивший ряд партий и организаций центристской и левоцентристской ориентации³⁵. Все это убедительно свидетельствовало о преодолении послепутчевой дезорганизации и деморализации в среде постсоветских «партий интересов».

Летом 1992 года проинфляционный блок оказался лучше организованным и политически более мощным. Правительство Е. Т. Гайдара не могло с этим не считаться, и одной из основных его политических задач июня – августа стало позиционное маневрирование с целью ослабления инфляционистов. Во-первых, это требовало усиления внимания правительства к формированию (и расширению) собственно социальной базы. Во-вторых, неизбежными становились компромиссы и лавирование ради раскола оппозиции. И то и другое означало известное отступление от первоначально заявленных целей быстрой стабилизации, замедления инфляции, сведения к минимуму бюджетного дефицита. Впрочем, отступление не могло явиться чем-то неожиданным, его неизбежность была предопределена радикальностью реформаторского курса первых месяцев 1992 года.

Реформаторы должны были вступить в союз с частью промышленников – директоров госпредприятий, и прежде всего с теми из них, кто видел для себя приемлемые перспективы вхождения в рыночную экономику и функционирования в новых условиях. Подобный союз обеспечивал поддержку или, по крайней мере, нейтральность немалой части инженерно-технических работников и рабочих соответствующих предприятий.

Компромисс был достигнут ценой ряда уступок в денежно – кредитной и внешнеэкономической сферах, а внешне оформлен путем введения в состав правительства ряда видных представителей директорского корпуса, связанных с военно – промышленным (В. Ф. Шумейко и Г. С. Хижа) и топливно – энергетическим (В. С. Черномырдин) комплексами. Ценой компромисса стало резкое ускорение роста цен в сентябре – ноябре (до 5 % в неделю) и обвальное падение курса рубля (в три раза за два месяца). Не состоялся и ожидавшийся переход безработицы из скрытой формы в открытую.

Однако эти компромиссы позволили правительству достичь ряда важных политических целей.

Во-первых, в рядах промышленно-аграрной оппозиции уже к осени наметился раскол. Значительная часть директората госпредприятий стала дистанцироваться от резких антиправительственных и проинфляционных заявлений, с которыми как бы от имени всего директората выступали лидеры хозяйственного лобби в Верховном Совете (Ю. М. Воронин, Ю. Г. Гехт и др.) и руководители РСПП. Этот процесс поляризации сил экономических агентов был под-

³⁵ Основными участниками «Гражданского союза» (ГС) были «Обновление» А. П. Владиславлева, ДПР Н. И. Травкина, НПСП А. В. Руцкого, а также группа «Смена – Новые имена» (небольшая, но очень активная фракция Верховного Совета).

креплен начавшимся осенью процессом приватизации. Заложенные в нем процедуры давали части директорского корпуса реальную возможность стать фактическими, а затем и юридическими собственниками своих предприятий, что вело к радикализации позиции менеджеров, и особенно наиболее сильных и активных из них.

Во-вторых, резкое ухудшение экономической конъюнктуры осенью стало важным практическим подтверждением правоты правительства, сопротивлявшегося ослаблению денежно-кредитной политики и отступившего летом под напором объединенных сил хозяйственных руководителей. Демонстрационный эффект прямой связи между кредитной экспансией и инфляцией стал важным социальным опытом при последующих решениях макроэкономического характера. До этого практического опыта и общественное мнение, и руководители предприятий с явным недоверием относились к предостережениям Е. Т. Гайдара, что рост бюджетного дефицита и политика «мягких денег» неизбежно приведут к крайне тяжелым последствиям для экономики страны.

Рубеж 1992–1993 годов явно обозначил формирование двух групп интересов, готовых поддерживать принципиально различные варианты экономической политики России. Водораздел между ними происходил по отношению к роли инфляционных процессов, путей и возможностей их преодоления. Именно эта проблема стала фактически доминирующим сюжетом политической борьбы вокруг экономических реформ, придя на смену полемике об административном и либерально-экономическом вариантах стабилизации.

С одной стороны, явно обозначились ряды инфляционистов. К основным элементам отстаиваемого ими экономического курса относились: массивные финансовые вливания в народное хозяйство (через кредитную и бюджетную системы) с целью поддержки экономически слабых, неконкурентоспособных предприятий; попытки «усиления управляемости» в народном хозяйстве посредством восстановления властных полномочий центра по отношению к предприятиям государственного сектора; ужесточение контроля за экспортно-импортной деятельностью и явный протекционизм. Важными составными частями этого курса являются всестороннее участие государства в структурной трансформации народного хозяйства, создание (или воссоздание) разветвленной инфраструктуры, обеспечивающей руководство деятельностью хозяйственных агентов – через государственные органы управления (министерства и отраслевые комитеты) или через создаваемые сверху крупные монополистические структуры (концерны, промышленно-финансовые группы), находящиеся под контролем властей.

Ряды сторонников подобного курса включали довольно разнородные группы хозяйственных агентов. Некоторые из них прямо выигрывали от инфляции, делая на экономической нестабильности огромные прибыли. Для других этот курс означал продолжение государственной финансовой поддержки и предотвращал их неминуемое разорение. В проведении политики «дешевых денег» были прежде всего заинтересованы слабые (хотя нередко и весьма крупные по числу занятых) государственные предприятия, в силу объективных или даже субъективных причин неспособные адаптироваться к конкуренции и обреченные на поражение в случае проведения макроэкономической политики, имеющей в своей основе жесткие бюджетные ограничения. Кроме того, этот курс был весьма выгоден значительной части финансовых структур, банкам: их экономическое благополучие, а нередко и само существование в значительной мере были обусловлены наличием льготных кредитов и бюджетных субсидий. Наконец, инфляция является источником исключительной доходности торгово-посреднической деятельности, что обуславливало соответствующие позиции этой части бизнеса в экономико-политическом спектре России. Иными словами, инфляционная политика позволяет неэффективным предприятиям выжить, а коммерческим банкам и торговым организациям получать прибыли, несопоставимые с доходами производственных секторов.

С другой стороны, на протяжении 1993 года формировались ряды сторонников альтернативного экономического курса. Курса, официально избранного еще в конце 1991 года и с большей или меньшей последовательностью проводившегося в 1992–1993 годах. Основными чертами его являются последовательная либерализация хозяйственной деятельности, жесткая финансово-кредитная политика, последовательное осуществление приватизации. Суть этого курса можно определить как антиинфляционизм. Число его сторонников увеличивалось по мере проведения приватизации и адаптации части предприятий к работе в условиях реальной рыночной среды, открывающих для активных руководителей и квалифицированного персонала широкие возможности экономического и социального роста. Понятно, что в проведении последовательной антиинфляционной политики более всего заинтересованы те хозяйственные структуры, которые уже успели осознать свою экономическую силу, имеют неплохие возможности реализовать производимую продукцию в условиях конкуренции на внутреннем (или даже на мировом) рынке и уже готовы проводить активную инвестиционную политику, для чего в первую очередь необходима макроэкономическая стабильность.

Такое перераспределение интересов отразило новую и весьма важную тенденцию развития социальной ситуации в ходе реформ. Если раньше основной водораздел интересов проходил по линии принадлежности хозяйственного агента к государственному или частному сектору, то теперь принадлежность к той или иной форме собственности стала терять свое критериальное («интересообразующее») значение. Существенным фактором стало положение хозяйственного агента по отношению к перераспределительным потокам «дешевых денег» (единственному оставшемуся дефициту), его возможность использовать их в своих интересах. В результате по обе стороны этой «экономической баррикады» оказывались как частные, так и государственные предприятия.

В силу ряда политических причин реальная экономическая политика правительства на протяжении 1993 года была довольно неустойчивой. Уровень инфляции, колебавшийся от 12 до 35 % в месяц, отражал, по сути дела, конфликт между интересами альтернативных моделей экономического развития. Инфляция являлась фактически формой разрешения воспроизводящегося перераспределительного конфликта между хозяйственными агентами различных типов. Отсутствие или слабость структурных сдвигов являлись показателем прочности позиций проинфляционных сил, которым более или менее удавалось воспроизводить сложившуюся хозяйственную структуру при помощи ее денежной подпитки. Однако сохранение неустойчивого положения вовсе не означало сохранения социального статус-кво. В этом отношении происходили процессы двоякого рода.

Во-первых, слабела политическая активность предприятий – сторонников антиинфляционного курса. Надежды на быструю остановку инфляции не оправдались и, следовательно, нужно было приспособливаться к функционированию в условиях длительной высокой инфляции. Это предполагало выработку иной стратегии и объективно уводило потенциально сильные предприятия от прямой поддержки антиинфляционных политических сил (т. е. инициаторов и практиков радикальных рыночных реформ).

Во-вторых, произошло сращивание части активного предпринимательского слоя с институтами государственной власти. Слабое государство искало поддержки в новом экономически сильном и влиятельном отечественном предпринимательстве. Для представителей же крупного бизнеса (неважно, частного или полугосударственного) тем самым создавалась комфортная среда, в которой борьба за выживание на рынке сменялась возможностью опереться на поддержку государственных институтов.

В результате названных нами процессов дискуссия о принципах экономической стабилизации и борьбе с инфляцией постепенно теряет былой политической накал. Этому способствовали и принятые по настоянию Е. Т. Гайдара решения, существенно ограничившие возмож-

ности накачки народного хозяйства «дешевыми деньгами»³⁶. На передний план политической борьбы вместо «дешевых денег» выходят вопросы государственной защиты отечественного предпринимательства перед лицом иностранной конкуренции.

Это была новая фаза политической борьбы, трансформировавшая и альтернативы экономической политики, стоящие перед государственными органами.

На смену жесткому инфляционизму, ориентированному на непосредственную денежную эмиссию в различных ее формах, осенью 1993 года приходит «мягкий инфляционизм». Суть провозглашаемой им политики состоит в необходимости всемерного и разностороннего покровительства национальному бизнесу путем селективной поддержки заслуживающих того предприятий и отраслей (правда, без определения критериев такой поддержки); активного формирования «сверху» мощных финансово-промышленных групп, фактически подавляющих конкуренцию в соответствующих секторах народного хозяйства; последовательного протекционизма во внешнеэкономической деятельности; в стремлении замедлить и взять под контроль ведомств и связанного с ними бизнеса процессы приватизации. Делая упор на поддержку отечественного бизнеса (а точнее, бизнеса, связанного с государством), такой экономический курс оставался, безусловно, инфляционным. Ведь формирование тесно связанных с органами власти монополистических структур, надежно защищенных уже самим своим статусом от возможных претензий потребителя и иностранной конкуренции на внутреннем рынке, создает для них исключительно благоприятные возможности как для доступа к государственным финансовым ресурсам, так и для осуществления монополистической практики ценообразования.

Альтернативой этому курсу являются последовательное обеспечение свободы внешнеэкономической деятельности предприятий и оказание поддержки им в конкуренции на внешнем рынке, а не на внутреннем (т. е. не за счет отечественного потребителя). К этим же мерам примыкают последовательное проведение приватизации предприятий и максимальное разведение их коммерческой деятельности и деятельности органов государственного управления. Соответственно и возникновение, и рост финансово-промышленных групп выступают здесь как естественный, идущий «снизу», т. е. от самих предприятий, процесс.

Словом, социально-политическая борьба вокруг экономической политики государства, пройдя в 1991–1993 годах через несколько фаз³⁷, вполне оформилась в виде противостояния двух моделей дальнейшего социально-экономического развития. С одной стороны, это создание национально замкнутой высокомонополизированной рыночной экономики, огражденной от мирового рынка жесткими таможенными и правовыми барьерами (вплоть до подобия государственной монополии внешней торговли). С другой стороны, формирование современной открытой рыночной экономики, обеспечивающей рост эффективности хозяйствования благодаря наличию международной конкуренции. Разумеется, обе модели организации хозяйственной жизни предполагают и значительные различия осуществляющих их политических режимов.

3.3. Экономическая реформа и институты власти

Постоянная напряженность в отношениях между институтами государственной власти, периодически приводящая к вспышкам острых конфликтов и политическим кризисам, – такова одна из наиболее характерных черт общественной жизни России с самого начала осуществления здесь радикальных рыночных реформ. Практически повсеместно, снизу доверху на протяжении 1992–1993 годов в стране шла борьба между представительной и исполнитель-

³⁶ Имеется в виду отмена практики выдачи льготных кредитов с 25 сентября 1993 года.

³⁷ Перечислим эти фазы: 1) выбор между консервативной и либеральной стабилизацией; 2) тотальное противостояние хозяйственно-политических структур либеральному курсу правительства; 3) поляризация сил и борьба между инфляционистской и антиинфляционистской альтернативами.

ной ветвями власти. Но своего наивысшего накала она достигла на федеральном уровне как противостояние основной массы депутатов, с одной стороны, и президента и его правительства – с другой. Кульминационной точкой этого противостояния и стал политический взрыв конца сентября – начала октября 1993 года, приведший к роспуску законодательного корпуса и изменению конституционных основ российского экономико-политического процесса.

Однако выборы нового парламента отнюдь не привели к ослаблению противоборства двух ветвей власти, хотя и довольно сильно трансформировали поле этой борьбы³⁸.

Существует две причины этой борьбы, которая имеет, разумеется, далеко не личностную природу. Одна объясняет социально-экономические корни конфликта между депутатским корпусом и администрациями разных уровней. Другая подводит к ряду важных выводов относительно конституционно – правовых проблем осуществления экономических преобразований.

Первая причина связана с характером интересов членов посткоммунистического общества. В краткосрочном плане существует несомненное стремление людей минимизировать приходящееся на долю каждого «бремя перемен», сохранить статус-кво своего дореформенного (доперестроечного) материального благополучия, обеспечить сохранение своих предприятий и организаций, даже если они являются абсолютно бесперспективными с рыночной точки зрения. Вместе с тем существует и общее понимание необходимости глубокого реформирования всего комплекса экономических отношений, обеспечения прорыва из той тупиковой экономической ситуации, в которую попала коммунистическая Россия.

Двойственность интересов находит свое институциональное оформление в позициях депутатского корпуса и исполнительной власти. Депутаты, непосредственно связанные со своими избирателями, уже в силу положения в демократической системе координат не могут не иметь определенной популистской доминанты в своей деятельности. Даже понимая неизбежность социальных тягот и экономического спада, они должны остро реагировать на сложности повседневной жизни своих граждан.

Иное положение занимает правительство во главе с президентом. Всенародно избранный глава государства должен ориентироваться прежде всего на общие интересы народа, обеспечивать реализацию стратегических целей. Именно президент отвечает за направление и глобальные тенденции в жизни страны и может позволить себе идти на принятие мер, столь же необходимых, сколь и непопулярных.

Это противоречие свидетельствует о наличии или отсутствии реальных реформ. Недаром оно возникло и оформилось лишь в конце 1991 года, когда вопросы «перетягивания» власти с союзными структурами практически решились и новое правительство начало предпринимать шаги по быстрому разрушению коммунистической экономической системы.

Именно тогда, как было показано нами выше, произошла недооценка политической конфликтности начинавшихся экономических реформ, когда завершение конфликта между российскими и союзными структурами было воспринято российским руководством как фактор ослабления, если не завершения, политической борьбы между институтами власти. Между тем реальные экономические реформы несут гораздо больший накал противостояния, которое лишь нарастает по мере продвижения реформ, затрагивающих интересы практически всех социальных групп и слоев общества.

Второй причиной обострения борьбы между институтами власти была неотработанность и откровенная слабость российского конституционного строя, доставшегося в наследство от коммунистического режима. Система государственных институтов продолжала базироваться

³⁸ Российский опыт проведения экономических реформ, кроме всего прочего, дает богатую пищу для разработки вопросов, относящихся к «конституционной экономике» как к особому разделу экономической науки. Влияние конституционного строя на экономическую политику и реформы не только является в России особенно рельефным, но и продемонстрировало ряд новых граней возникающих здесь проблем. Все это требует специального анализа, выходящего далеко за пределы настоящей работы.

на принципе полновластия Советов (или, точнее, их всевластия), а не на идеологии разделения властей, «сдержек и противовесов». Принцип балансирования, уравнивания высшей власти практически полностью отсутствовал. Предпринятая осенью 1991 года попытка исправить эту ситуацию предоставлением президенту некоторых особых полномочий и использование их Б. Н. Ельциным для ускорения экономических реформ привели к зеркальному усилению оппозиционных парламентских сил, которые повели ожесточенную борьбу за ограничение президентских прерогатив.

Отсутствие нового демократического и целостного Основного закона создавало условия для постоянных попыток законодательной власти вмешиваться в компетенцию власти исполнительной или даже поставить последнюю в полную зависимость от себя.

В 1992 году это многократно проявлялось в сфере экономической политики. Народные депутаты настойчиво стремились усилить свой контроль за деятельностью Центрального банка, пытались напрямую подчинить себе Госкомитет по антимонопольной политике, создавали мощные и фактически многопрофильные финансовые институты (Пенсионный фонд, Фонд социальной поддержки), подчеркнуто выведенные из сферы влияния правительства, и т. д. Обсуждение экономических вопросов велось без четких процедурных рамок, причем даже бюджетные решения могли приниматься без строгой профессиональной экспертизы.

В 1993 году ситуация еще более усугубилась. Верховный Совет стал принимать решения или делать через своего председателя заявления, подрывающие саму возможность проведения осмысленной экономической политики.

Среди примеров подобного рода можно назвать следующие: попытки Верховного Совета значительно увеличить бюджетный дефицит путем расширения расходных статей бюджета; предложение субъектам Федерации не перечислять налоги федеральному правительству, если им не хватает средств на решение региональных социально-экономических проблем; настойчивые попытки существенного пересмотра механизма приватизации, т. е. изменения правил уже в процессе ее осуществления и адаптации к этим правилам хозяйственных агентов, вырабатывающих стратегию и тактику своего поведения в ходе приватизации.

Тем самым действия законодательной власти полностью выходили за пределы экономической целесообразности и определялись исключительно логикой борьбы с президентом, стремлением подорвать его политические позиции и одновременно заручиться поддержкой региональных органов власти. Нетрудно заметить, что это во многом повторяло события 1990–1991 годов, когда экономические процессы оказались в положении заложников политического противостояния.

Важной особенностью депутатского корпуса стало формирование в нем хозяйственных лоббистских группировок, которые в слабоструктурированном в политическом (партийном) отношении парламенте сразу стали играть заметную роль при подготовке и принятии решений. Особенно выделялись такие фракции, как «Промышленный союз» и «Аграрный союз».

Российское парламентское лобби образца 1992–1993 годов имело ряд специфических черт, отличающих его от зарубежных аналогов. Во-первых, лоббирование практически полностью ограничивалось сферой материального производства. В среде российских депутатов отсутствовало столь характерное для современных развитых стран организованное давление со стороны социальной сферы, женских и ветеранских организаций, потребителей, экологов и т. п. Во-вторых, российские лоббисты выступали, по сути дела, с позиции крупных монополистических образований, настаивая на сохранении и воспроизводстве традиционной системы производственных монополий, тесно связанных с государственным сектором народного хозяйства. Наконец, *в-третьих*, лоббисты Верховного Совета демонстрировали довольно узкое понимание интересов государственных предприятий. Видя реальную опасность банкротства части государственных предприятий, они сосредоточивали свои силы не на поиске механизмов смягчения социальных тягот структурной перестройки для трудящихся, а на задаче мак-

симального сохранения самих производственно-хозяйственных структур. Последнее, впрочем, отнюдь не способствовало росту популярности депутатского корпуса и конкретных его представителей из числа директоров предприятий.

В отсутствие четкой системы разделения властей лоббизм оказывался особенно опасным, так как давление на власть находило себе пристанище в высшем и всевластном государственном институте – съезде народных депутатов. Между тем наиболее подверженный организованному лоббизму законодательный корпус в реальной российской политической жизни нес наименьшую ответственность за экономические последствия своих решений.

Все эти особенности постсоветской представительной власти (необъятная широта полномочий, доминирование узко-производственного лоббизма, минимальная и неперсонифицированная ответственность за положение дел в стране) делали Верховный Совет основным источником привнесения в экономическую политику решений популистского характера. В России сложилась уникальная ситуация, когда руководители исполнительной власти отстаивали курс на сокращение государственных расходов, а законодатели, напротив, стремились к существенному их расширению, используя свои конституционные возможности внесения не согласованных с правительством поправок в государственный бюджет и подотчетность Центрального банка законодателям.

В результате правительство начиная с декабря 1991 года оставалось в основном силой, противостоящей законодателям. Эта ситуация сохранялась безотносительно к тому, кто находился во главе правительства – сам Б. Н. Ельцин, назначенный им Е. Т. Гайдар (июнь – декабрь 1992 года) или избранный на VII съезде народных депутатов (декабрь 1992 года) В. С. Черномырдин.

Таблица 3.2. В какой мере, на ваш взгляд, заслуживает сейчас доверия Верховный Совет РФ?

(Цифры соответствуют полученным значениям в каждом месяце, %)

Период	Вполне заслуживает	Не вполне заслуживает	Совсем не заслуживает	Затрудняюсь ответить
1991 год IX	33	35	14	18
1992 год I	13	37	17	33
II	6	42	26	26
III	10	37	26	27
IV	7	40	31	22
V	4	33	41	21
VI	4	37	39	20
VII	5	38	35	22
VIII	6	38	35	21
IX	3	35	38	24
X	3	35	43	19
XI	3	36	43	18
XII	5	36	42	17
1993 год I	6	37	31	26
II	4	31	28	31
III	7	29	35	29
IV	5	24	44	27

Источник: Данные ВЦИОМ.

Популярность исполнительной власти на протяжении 1992–1993 годов колебалась, но в общем была несколько выше популярности Верховного Совета (табл. 3.2 и 3.3). Причем поддержка правительства росла в основном за счет возможности политического маневрирования Б. Н. Ельцина, а его личная популярность была далеко не безгранична, что, естественно, сказывалось на эффективности работы Кабинета в 1992 году.

Таблица 3.3. В какой мере, на ваш взгляд, заслуживает сейчас доверия Правительство РФ?

(Цифры соответствуют полученным значениям в каждом месяце, %)

Период	Вполне заслуживает	Не вполне заслуживает	Совсем не заслуживает	Затрудняюсь ответить
1992 год II	7	37	30	26
III	8	38	30	25
IV	9	39	30	22
V	7	37	35	22
VI	6	43	32	19
VII	8	38	33	22
VIII	5	41	33	22
IX	4	37	36	23
X	4	33	44	19
XI	7	38	38	18
XII	7	37	34	22
1993 год I	8	38	22	31
II	4	34	25	37
III	7	35	26	32
IV	12	33	24	32

Источник: Данные ВЦИОМ.

Само правительство на протяжении 1992–1993 годов претерпело довольно существенные изменения. Если на первом этапе оно состояло в основном из политических единомышленников (во всяком случае в экономической области), то с лета 1992 года Кабинет уже становится в явном виде коалиционным.

Более того, в 1993 году дала о себе знать новая интересная особенность организации российских институтов государственной власти. Ее можно определить как «парламентизацию правительства» – превращение его в орган, отражающий в своей структуре примерное соотношение социальных сил, имеющее место на данный момент в стране. Действительно, избранный в 1990 году депутатский корпус к концу своего существования не мог уже претендовать на представительство интересов своих избирателей или вообще электората России, что формально подтвердили и итоги апрельского референдума³⁹. Но представительство интересов влиятельных сил необходимо для нормального функционирования любой политической системы. И когда это оказывается невозможным через специально предназначенные институты, соответствующие функции так или иначе берут на себя другие органы власти – как правило, наиболее влиятельные из них.

³⁹ Избирателям было предложено ответить на вопросы о доверии президенту, о доверии его социально-экономической политике 1992–1993 годов (т. е. периода либеральных реформ), а также о необходимости досрочных перевыборов президента и Верховного Совета. В результате были получены положительные ответы на первые два вопроса, большинство избирателей высказались против досрочных выборов президента и за отставку законодательного корпуса. Однако по последнему вопросу не было собрано требуемого Конституцией большинства от общего числа зарегистрированных избирателей, что давало депутатскому корпусу формальные основания сохранять свои полномочия.

Именно такой организацией и стал Совет Министров СССР. Но как всякий орган, являющийся фактически представительным, в критические моменты выбора политического курса он оказывается малоработоспособным, и его функции берет на себя более однородный институт. В такой институт превратился президиум правительства. С начала 1993 года лишь он собирался на регулярные (еженедельные) заседания, тогда как полномасштабные заседания Совета министров происходили один раз в квартал, в них участвовало большое число приглашенных (руководители регионов и предприятий, ученые, общественные деятели), что еще больше усиливало функции представления существующих в обществе групп интересов.

Такой характер правительства, естественно, не позволял проводить последовательный курс рыночных реформ, но давал возможность балансирования между различными влиятельными социально-экономическими группировками. Можно сказать, что в данной ситуации устойчивость правительства достигалась ценой неустойчивости его экономического курса. Оно то ужесточало макроэкономическую политику, стремясь сдержать рост цен, то ослабляло ее под воздействием проинфляционных сил. Более того, у исполнительной власти на протяжении 1993 года периодически возникал соблазн опереться на умеренно консервативную часть директорского корпуса и встать на проинфляционный курс, позволявший ценой опасного нахождения на грани гиперинфляции остановить болезненные структурные сдвиги в народном хозяйстве. Именно такой вариант развития событий символизировал приход в апреле 1993 года О. И. Лобова на должность первого заместителя главы правительства и министра экономики. Однако важным фактором, заблокировавшим этот выбор, стало осознание того, что консервация сложившейся структуры и инфляционизм усиливали позиции откровенно реакционных политиков Верховного Совета и стоящих за ними групп давления.

В конечном счете в правительстве образца 1993 года сформировались три группировки, отстаивавшие различные варианты экономической политики, по существу уже рассмотренные нами ранее.

Со всей определенностью обозначились сторонники откровенно инфляционного варианта в лице О. И. Лобова, руководства Госкомитета по промышленной политике, а также отраслевых промышленных комитетов, не говоря уже о представителях аграрного и военно-промышленного лобби в Совете министров. Наиболее концентрированное воплощение идеи этих политиков нашли в документах и предложениях Министерства экономики апреля – сентября 1993 года. Среди них можно перечислить: постановление о селективной поддержке отраслей (апрель), проект указа президента о Министерстве экономики (май), проект закона об индикативном планировании, альтернативная концепция осуществления экономических реформ (подготовлено к расширенному заседанию Совета министров в июле), записки президенту «Об экономической ситуации в стране и неотложных мерах по ее стабилизации» и «Об индексации стоимости приватизационных чеков и переоценке основных фондов» (август – сентябрь). Большинство из названных документов носило программный характер. В них делался упор на активизацию организационно-направляющей деятельности власти, резкое расширение финансирования отраслей народного хозяйства в целях преодоления спада производства и поддержки отечественной промышленности перед лицом внутреннего кризиса и потенциальной иностранной конкуренции безотносительно к финансовым возможностям государства. Речь шла об индексации практически всех финансовых и капитальных средств, находящихся в распоряжении государства, государственных предприятий и населения (доходов, оборотных средств, инвестиций, сбережений, приватизационных чеков). Индексацию инвестиций предлагалось закрепить законодательно. Минэкономики настаивало на новом широкомасштабном проведении взаимозачетов долгов предприятий, на создании системы «комиссий по поддержке (санации) предприятий», на активном использовании инструмента льготного кредитования предприятий при одновременном воссоздании системы централизованного планирования (пока,

правда, именовавшегося индикативным), на усилении государственного регулирования экспортно-импортной деятельности.

Параллельно сформировалась группа сторонников мягкой инфляционной политики. Видными представителями таких взглядов в правительстве являлись О. Н. Сосковец, С. Ю. Глазьев, А. А. Кокوشин. Наиболее последовательное отражение эта концепция нашла в подготовленной О. Н. Сосковцом в конце августа 1993 года концепции экономической политики, предполагавшей пересмотр Закона о предприятии (для усиления роли государственных органов по управлению хозяйственными субъектами), «гнездовое» финансирование предприятий, изменения в схеме приватизации, восстановление вертикальных управленческих структур, близких к «хозрасчетным главам и трестам». Важнейшей отличительной характеристикой этой концепции экономической политики является протекционизм, стремление максимально ограждать отечественных товаропроизводителей, равно как и банковские структуры, от иностранной конкуренции. В то же время, настаивая на подобных мерах, их сторонники нередко подчеркивали первостепенную важность борьбы с инфляцией и не отрицали необходимости проведения жесткой финансово-кредитной политики как одного из наиболее существенных факторов, способных решать названную задачу.

Наконец, сторонниками последовательной антиинфляционной политики являлись председатель Госкомимущества А. Б. Чубайс, министр финансов Б. Г. Федоров, а также Е. Т. Гайдар, вернувшийся в правительство в сентябре 1993 года. Они сосредоточивали свои усилия на вопросах ужесточения финансово-кредитной политики, последовательности проведения приватизации, либерализации внешнеэкономической деятельности. Это объяснялось как критическим значением названных задач для продолжения экономических реформ, так и позициями соответствующих деятелей в правительстве. Их основными достижениями стали: подписанное в мае соглашение между Правительством и Центральным банком, сделавшее возможным некоторое ужесточение кредитной политики; решительный отказ от системы льготных кредитов (в сентябре), принятие комплекса решений в области «бюджетного федерализма». В итоге периодически удавалось добиваться замедления месячных темпов инфляции и некоторой стабилизации валютного курса рубля. Удалось сохранить общие контуры приватизации, подвергавшейся ожесточенным нападкам со стороны Верховного Совета и имевшей достаточно сильных оппонентов внутри правительства.

Коренная противоречивость позиций ведущих членов кабинета и его коалиционный характер наглядно проявились в ходе подготовки к парламентским выборам осенью 1992 года: министры и вице-премьеры вошли в избирательные объединения самой различной политической ориентации – от некоммунистических до последовательно рыночных.

3.4. Социальная стабильность

Преодоление экономического кризиса, осуществление стабилизационного курса и тем более глубоких хозяйственно-политических реформ, которые всегда являются достаточно болезненными и дают позитивный результат лишь по прошествии некоторого периода времени, требуют определенного уровня социальной стабильности. Причем необходимость решения подобных задач по времени непосредственно следует за периодом коренного слома устоев старой системы. А для осуществления этих целей требуется совершенно разная среда. Если для разрушения старой общественной системы нужна высокая социально-политическая активность значительной части населения, то для решения стабилизационно-созидательных задач более предпочтительна относительная уравновешенность общественных настроений, можно даже сказать – усталость народа от политических битв прошлого, компенсируемая (при благоприятном стечении обстоятельств) активностью граждан в хозяйственной сфере, в решении проблем собственного материального благополучия.

После провозглашения в конце октября курса на либерализацию цен и зарплаты в средствах массовой информации доминировали ожидания серьезных социальных потрясений, массовых акций протеста накануне, во время или после неизбежного скачка цен. Ситуация усугублялась быстрым разрушением потребительского рынка, деградация которого, естественно, особенно резко проявилась в ноябре – декабре, поскольку производители и торговля были заинтересованы в придерживании запасов до 2 января.

Страх перед открытой инфляцией переплетался в общественном сознании с безысходностью ситуации тотального дефицита, отсутствием в магазинах практически всех товаров, многочасовыми очередями за предметами первой необходимости, начавшимися перебоями в торговле хлебом. Показатель насыщенности потребительского рынка достиг в декабре своего минимума.

Пессимизм подстегивался резко возросшей в этих условиях активностью некоммунистических группировок, стремившихся воспользоваться переходной ситуацией (угроза гиперинфляции при пустых магазинах) для дестабилизации политической ситуации и блокирования продвижения к рыночной демократии. Попытка организации массовых акций протеста в середине декабря под общим лозунгом «марш голодных очередей» стала наиболее показательной в этом отношении.

Однако несмотря на ожидание социального взрыва, общая социальная ситуация в России скорее благоприятствовала радикальным экономическим реформам.

Во-первых, исключительно высокой оставалась популярность президента, провозглашавшего либеральный экономический курс.

Во-вторых, социально-политическая активность народа на предшествующем этапе слома институтов коммунистического режима в целом по стране была не особенно высока (накал страстей ограничивался Москвой и некоторыми крупными индустриальными центрами) и не имела тенденции к росту. Политическая активность населения явно шла на спад, и, по опросам общественного мнения, большинство исключало возможность возникновения в ближайшее время массовых антиправительственных акций.

Наконец, *в-третьих*, сама обстановка быстрого приближения экономической катастрофы настраивала людей на принятие болезненных стабилизационных мер. Более того, в общественном сознании наблюдался очень важный сдвиг от патерналистских ожиданий и иждивенчества. Не питая иллюзий насчет возможности улучшения экономической ситуации в ближайшем будущем, от 2/3 до 3/4 россиян не связывали личного благосостояния ни с какими государственными или общественными организациями – они рассчитывали прежде всего на свои собственные силы.

В обществе отсутствовали явно выраженные черты «революции ожиданий» или «туннельного эффекта», когда первые признаки улучшения в отдельных сферах (отраслях, регионах) формируют надежды на скорые сдвиги к лучшему, а разочарование в этих чувствах ведет к резкому обострению социальной ситуации. Напротив, в России конца 1991 года практически полностью испарились надежды на «экономическое чудо» – почти 2/3 граждан не верили в возможность преодоления кризиса без «временного снижения уровня жизни людей». Осознание неизбежности тягот в ходе грядущих реформ свидетельствовало о наличии важных стабилизирующих установок в сознании основной массы населения.

Свою роль сыграл и эффект неоправдавшихся пессимистических прогнозов. Конец 1991 года прошел под знаком ожидания почти непреодолимых материальных трудностей, перебоев в снабжении основными продуктами питания, электроэнергией, теплом и транспортом. По данным ВЦИОМ, ко всему этому готовились 80 % россиян. Однако мрачные прогнозы не оправдались⁴⁰, а признаки улучшения ситуации на потребительском рынке стали ощутимы уже через

⁴⁰ Впрочем, ожидания подобного рода катаклизмов еще долго оставались характерной чертой, присущей мышлению части

месяц после отпуска цен. Это стало важным фактором стабилизации социальных настроений. Недаром с весны 1992 года, по данным социологических служб, проведение последовательных экономических реформ имело достаточно много сторонников, причем их количество в 1992 году возрастало (табл. 3.4 и 3.5). Понятно также, что популярность правительства и лично Е. Т. Гайдара весной – летом 1992 года заметно пошла вверх, а позднее, когда к весне стало очевидно, что задачу остановки инфляции решить не удалось, соответствующие показатели снизились (табл. 3.6 и 3.7). Но к тому времени заработали уже другие факторы социальной стабилизации.

Таблица 3.4. Согласны ли вы с тем, что было бы лучше, если бы в стране все оставалось так, как было до 1985 года?

	1991 год					1993 год		
	Декабрь	Апрель	Июнь	Август	Октябрь	Декабрь	Февраль	Апрель
Число опрошенных	1927	1600	1660	1650	1500	1700	1649	1644
В том числе:								
согласен	41	28	33	28	28	30	35	25
не согласен	36	51	42	40	48	42	33	40
затрудняюсь ответить	23	21	25	32	24	28	32	35

Источник: Данные Госкомстата.

Таблица 3.5. Экономические реформы нужно продолжать или их следует прекратить?

	1992 год				1993 год				
	Март	Май	Август	Ноябрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май
Число опрошенных	1579	1630	1656	1603	1603	1629	1649	1644	1553
В том числе:									
нужно продолжать	46	47	53	57	57	51	42	53	49
следует прекратить	26	21	20	19	17	18	19	15	20
затрудняюсь ответить	28	32	27	24	26	31	39	32	31

Источник: Данные службы «Мнение».

отечественных экономистов. Для примера приведем лишь одну цитату из работы Г. А. Явлинского: «Зима 1992–1993 годов будет много тяжелее прошлой: нехватка электроэнергии (прежде всего в Забайкалье и на Северном Кавказе), “пляска цен” на нефть и нефтепродукты, рост аварийности теплосетей в городах, обострение дефицита кормов в большинстве регионов, возможные перебои с продуктами» (Явлинский Г. О новой политике правительства // Вопросы экономики. 1993. № 2. С. 113). Интересно, впрочем, здесь также и то, что данный алармистский прогноз был сделан примерно осенью 1992 года, а опубликован (по-видимому, по техническим причинам) лишь весной 1993 года.

Таблица 3.6. Е. Т. Гайдар, и. о. председателя Правительства РФ
(Индекс популярности по России в 1992 году, %)

	Сентябрь	Август	Июль	Май	Апрель	Март	Февраль
В отставку	45	38	29	31	29	34	28
Продолжать	31	38	49	49	50	30	39
Не знаю	24	24	22	20	21	36	33

Источник: Данные службы «Мнение».

Таблица 3.7. Правительство РФ
(Индекс популярности по России в 1992 году, %)

	Сентябрь	Май	Апрель	Март
В отставку	25	16	17	23
Продолжать	43	64	62	48
Не знаю	32	20	21	29

Источник: Данные службы «Мнение».

Снижение политической активности населения наглядно отражалось в численности митингов и демонстраций – как в поддержку реформ, так и антиправительственных. Количество участников некоммунистических акций несколько возросло за счет люмпенизированных слоев населения на рубеже 1991–1992 годов, а демократических – снизилось (в основном за счет тех же). Но в общем подобные акции собирали в Москве от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч участников, причем их массовость, равно как и степень эмоционального воздействия на институты власти, в течение года неуклонно снижалась.

Показательна социальная структура митингов (табл. 3.8). Выборочные исследования, проводившиеся в декабре, феврале и ноябре 1992 года, свидетельствуют об устойчивом доминировании среди участников как национал-коммунистических, так и демократических мероприятий пенсионеров (30 – 40 %) и служащих – работников бюджетной сферы (30–35 %). Доля рабочих никогда не превышала 9–12 %, молодежи было примерно 10 %. Подчеркнем, что состав участников митингов обоих полюсов политического спектра был практически идентичен.

Положительную роль для осуществления комплекса болезненных мер экономической реформы играло и отсутствие в России массовых популярных рабочих организаций (типа польской «Солидарности»), тяготеющих уже в силу своей природы к популистским лозунгам и требованиям. Официальные профсоюзы, объединенные в ФНПР, оставались в основном чуждыми трудящимся, хотя всячески стремились утвердить себя в этой роли и выступать от имени народа не только в сфере трудовых отношений, но и по политическим вопросам.

Таблица 3.8. Социальный состав участников митингов в Москве в 1992 году, %⁴¹

⁴¹ По материалам выборочных опросов.

Группы населения	9 февраля	29 июня	6 июля	24 октября
	«Трудовая Россия», около 10 тыс. участников	«Дем. Россия», около 50 тыс. участников	«Дем. Россия», 3–4 тыс. участников	«Трудовая Россия», ФНПР, 5–6 тыс. участников
Рабочие	9	11	6	7
Инженерно технические работники, врачи, учителя, научные работники	32	34	58	40
Функционеры профсоюзных, партийных, советских органов	3	1	2	2
Депутаты (освобожденные)	1	2	1	1
Военные	2	1	2	1
Студенты и аспиранты	3	4	3	3
Школьники и учащиеся ПТУ, техникумов	4	6	3	6
Пенсионеры	44	36	23	33
Безработные (включая лиц, находящихся в вынужденном отпуске)	2	4	1	6
Другие (домохозяйки, предприниматели)	1	1	1	1

Из альтернативных профсоюзов наиболее активный – Независимый профсоюз горняков, который, занимая в основном проправительственные, реформаторские позиции, активно участвовал в политическом противостоянии консерваторов и радикалов. Другие профсоюзы существенного влияния на ход экономических реформ оказывать не стремились, да и не могли.

Соответственно произошли важные изменения в характере забастовочного движения. С осени 1991 года наблюдался его существенный спад, который в основном происходил в 1991 году, и в дальнейшем забастовочная активность находилась на относительно невысоком уровне. (Исключение составляли отдельные довольно непродолжительные всплески, в основном локального характера.) Произошло три важных сдвига в характере забастовок и составе их участников.

Во-первых, центр забастовочной активности переместился уже осенью 1991 года из отраслей промышленности в социальную сферу (и прежде всего в народное образование, а также, хотя и в меньшей мере, в здравоохранение).

Так, если в 1991 году 85,9 % потерь рабочего времени приходилось на предприятия промышленности, 8,1 % – на народное образование и 2,1 % – на здравоохранение, то в 1992 году эти цифры составили соответственно 17,1, 64,3 и 15,5 %. Аналогичные данные характерны и для числа участников забастовок (табл. 3.9).

Данная ситуация в значительной мере объяснялась более низкими возможностями бюджетной сферы адаптироваться к функционированию в условиях рыночной экономики, а также недостаточно гибкой бюджетной политикой правительства. Поскольку аграрно-промышленное лобби в России обладало исключительным политическим весом, оно оттягивало на себя значительную часть той государственной поддержки, которая должна была бы быть направлена в отрасли, финансируемые из бюджета (т. е. в социальную сферу).

Эти выводы подтверждаются и региональной статистикой забастовочного движения. Так, в основных шахтерских регионах (Карагандинской области и Республике Коми) при значительном увеличении числа объявлявших забастовку предприятий наблюдались явное уменьшение их масштабов и относительное снижение потерь рабочего времени (табл. 3.10). Если в Кузбассе количество бастовавших предприятий возросло с 440 до 654, то численность забастовщиков и потери рабочего времени сократились вчетверо (со 125,1 до 29,8 тыс. человек и с 1613,9 до 396,9 тыс. человеко-дней соответственно). И если в Коми ситуация была не столь наглядной, то тенденция – явно аналогичной: при росте количества бастовавших предприятий сокращались среднее количество участников забастовки и потери человеко-дней, приходящи-

еся на одно предприятие. Это отражало развитие реальной ситуации в регионах: работники основных отраслей промышленности (горняки и металлурги) добились существенного роста своей зарплаты, что в условиях свободного ценообразования вело к относительному завышению цен на потребительские (и в первую очередь продовольственные) товары в данных регионах. Поскольку же зарплата работников бюджетной сферы здесь индексировалась по общероссийской схеме, произошло резкое ухудшение их материального положения, что толкнуло на проведение забастовочных акций. С учетом значительного количества предприятий непромышленной сферы и относительно меньшей (по сравнению с промышленными предприятиями) численности занятых на них работников произошло соответствующее снижение интегральных показателей масштаба забастовок (табл. 3.9).

Таблица 3.9. Отраслевая структура забастовок в России

Год	Число предприятий, на которых проходили забастовки		Число участников Потери рабочего времени			В среднем число участников на одно предприятие, человек	В среднем человеко-дней на одно предприятие (тыс.)	В среднем дней на одного участника	
	единиц	% к итогу за год*	тыс. человек	% к итогу за год*	тыс. человеко-дней				% к итогу за год*
Здравоохранение									
1990	6	2,3	1,6	1,6	7,6	3,7	2,67	1,3	4,7
1991	173	9,9	9,2	3,9	48,6	2,1	53	0,3	5,3
1992	943	17,0	77,1	21,6	292,9	15,5	82	0,3	3,8
1993	1	0,004	—	—	0,1	0,0004	—	10	—
1994	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Промышленность									
1990	199	76,5	85,2	85,6	119,5	57,5	428	0,6	1,4
1991	324	18,5	159,4	67	988,9	85,9	492	3	6,2
1992	63	1	37,5	10,5	324,6	17,1	595	5,1	8,6
1993	176	0,67	109,6	0,9	158,9	0,67	0,62	0,9	1,45
1994	209	40,7	115	74	57,7	—	550	2,8	5,02
Народное образование									
1990	7	2,7	2,4	2,4	13,2	6,4	343	1,9	5,5
1991	1177	67	58,1	24,4	187,2	8,1	49	0,1	3,2
1992	4929	78,6	222,1	6,2	1217,5	64,3	45	0,3	5,4
1993	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1994	279	54,28	36,8	23,7	16,5	21,8	131,9	0,6	4,5
Все народное хозяйство									
1990	260	100	99,5	100	207,7	100	383	10,4	2,1
1991	1755	100	237,7	100	2314,2	100	135	1,3	9,7
1992	6273	100	375,6	100	1893,3	100	57	0,3	5,3
1993	264	100	122,2	100	236,8	100	0,46	0,9	1,94
1994	514	100	155,4	100	755,5	100	302	1,47	4,89

* Имеется в виду доля соответствующего параметра к показателю по всему народному хозяйству.

Таблица 3.10. Забастовки в угольных регионах

Год	Численность работников, участвующих в забастовке, тыс. человек	Потери рабочего времени из-за забастовок, тыс. человеко-дни	Количество предприятий, на которых прошли забастовки	Количество забастовок, приходящихся на одно предприятие, человек	Потери рабочего времени из-за забастовок, приходящихся на одно предприятие, человеко-дни
Кемеровская область					
1991	125,1	1613,9	440	284	3368
1992	29,8	396,9	654	46	606,9
Республика Коми					
1991	15,5	204,8	88	176	2327,3
1992	20,2	259,4	178	113	1457,3

Источник: Данные Госкомстата.

Аналогично складывалась ситуация и в ряде других российских регионов, и в целом по стране. Средняя интенсивность забастовок (продолжительность участия в забастовке одного работника, потери рабочего времени, приходящиеся на одно предприятие) явно снижалась, что являлось признаком уменьшения остроты этой проблемы. Характерной чертой 1992 года являлось и то, что на всем его протяжении потери рабочего времени от забастовок в промышленности оказывались ниже аналогичных показателей в одном только народном образовании (не говоря уже о социальной сфере вообще).

Разумеется, перемещение центра забастовочной борьбы в социальную сферу является свидетельством того, на чьи плечи ложится основная тяжесть реформ. И с политической точки зрения это было явным проигрышем реформаторов, поскольку занятая в этих отраслях интеллигенция являлась одной из основных их социальных опор, наиболее активно поддерживавшей идеи демократии и рынка. Однако объективно в среднесрочном плане такое развитие событий скорее способствовало продвижению рыночных преобразований, так как перемещало вектор социального недовольства в отрасли, в политическом отношении наименее влиятельные и в принципе неспособные резко дестабилизировать общую ситуацию в стране.

Во-вторых, происходит деполитизация забастовок. Лозунги отставки президента и правительства, столь характерные для выступлений трудящихся в СССР в последние годы его существования, сменяются по преимуществу экономическими требованиями. Разумеется, эта тенденция не является абсолютной, и политические требования периодически возникали вновь (особенно на рубеже 1993 – 1994 годов), но теперь они были уже результатом невыполнения правительством тех или иных взятых на себя обязательств (невыплата зарплаты и т. п.).

В-третьих, забастовочное движение России 1992–1994 годов в части экономических требований обычно порождалось не взаимоотношениями между рабочими и работодателями, как это зачастую происходило в периоды первых забастовок. (Под работодателями мы имеем в виду администрацию предприятий, на которых происходили забастовки, или руководство соответствующих министерств и ведомств.) Тогда основными экономическими требованиями были повышение оплаты труда, изменение условий организации труда, включая взаимную ответственность рабочих и администрации.

Приватизация снимает пока многие из этих вопросов или дает более приемлемые процедуры их решения: рабочие становятся владельцами определенной доли голосующих акций,

а поскольку ваучерная приватизация в подавляющем большинстве случаев происходила по второй модели, то возможность рабочих-акционеров при необходимости влиять на принятие соответствующих решений остается поначалу довольно существенной.

По мере развития реформ основным предметом забастовочной борьбы становятся экономические претензии к правительству. Теперь (или пока) центр тяжести забастовочной борьбы сосредоточивается в отраслях, связанных с бюджетными поступлениями, т. е. в угледобыче, отраслях военно-промышленного комплекса и отчасти в социальной сфере. Здесь основной причиной забастовок являются задержки с выплатой заработной платы, вызываемые в свою очередь непоследовательностью правительственного курса. На протяжении 1993 – 1994 годов события развивались с удивительным постоянством. В начале года при формировании государственного бюджета правительство под воздействием отраслевых лоббистов берет на себя заведомо невыполнимые обязательства по закупкам производимой по госзаказу продукции и выплате разного рода дотаций. Позже выясняется, что денег, как и предупреждали серьезные экономисты из реформаторского лагеря, для уплаты обещанного нет. Правительство оказывается перед дилеммой – или инфляция, или неплатежи в результате ограничения закупок по госзаказу. Первоначально предпринимаются попытки избежать платежей, имеющих заведомо эмиссионный (инфляционный) характер. Это вызывает задержки по выплате заработной платы и дальнейшую цепочку неплатежей. Быстро нарастает социальная напряженность в соответствующих секторах экономики, причем страдающие от нарушения государством обязательств предприятия легко находят понимание у своих смежников. Недовольство приобретает массовый характер, правительство уступает и пытается рассчитаться по долгам. Обычно это происходит по большинству долгов одновременно, т. е. в экономику как бы в одночасье впрыскивается огромная масса денег, что ведет к обвальному падению рубля и скачку инфляции. А это вызывает новый виток забастовок протеста.

Наконец, особой причиной забастовок являются неплатежи по поставкам продукции (особенно энергоресурсов) в СНГ, что после отказа от практики выдачи Центробанком России технических кредитов этим странам создало дополнительные сложности для нефтяной и газовой отраслей.

Вместе с тем описанная трансформация характера забастовочной борьбы (перенесение требований на правительственный уровень) имела еще одно типичное следствие. В отличие от 1989–1991 годов, когда рабочие в основном дистанцировались от администрации предприятий, в 1992–1993 годах нередко стали случаи объединения действий трудовых коллективов и их руководителей. Причем последние подчас провоцировали рабочих на забастовки, пытаясь использовать их как способ давления на органы государственной власти с целью получения дополнительных финансовых льгот и укрепления тем самым своего собственного положения как руководителя.

Анализируя забастовочное движение как один из важнейших факторов социальной стабильности (или нестабильности) российского общества, следует обратить внимание еще на один феномен, характеризующий процесс экономической трансформации. Осуществление реформ вообще, и приватизации в особенности, еще не привело к возникновению классических конфликтов между трудом и капиталом, т. е. частные (в том числе и приватизированные) предприятия обладают в настоящее время гораздо более высоким запасом социальной стабильности, что связано и с более высоким уровнем оплаты труда на многих из них, и с меньшей зависимостью от государственных финансовых ресурсов, и с наличием иных форм решения возникающих проблем (например, через собрания акционеров в акционерных обществах).

Каковы основные факторы, способные резко дестабилизировать ситуацию в процессе проведения рыночных преобразований в России? Представляется целесообразным выделить, по крайней мере, два таких фактора (помимо проблемы тотального роста неплатежей в результате заведомых ошибок властей).

Социальную ситуацию могут дестабилизировать попытки властей преодолеть кризис и «восстановить управляемость» путем возвращения к жесткому административному регулированию народного хозяйства (и прежде всего цен), неизбежно ведущие к возвращению к ситуации тотального товарного дефицита при неспособности правительства организовать прямое централизованное распределение и перераспределение необходимых товаров производственного и потребительского назначения. В настоящее время распределительная система такого рода уже отсутствует и вряд ли может быть восстановлена в приемлемые сроки.

Другим фактором нестабильности может быть быстрый рост безработицы. Хотя к 1994 году общественное мнение в общем адаптировалось к мысли о неизбежности этого явления (по крайней мере, на переходный период), обвальная скачок числа безработных может быть весьма опасен. Правда, на протяжении трех лет экономических реформ такого скачка не произошло, и многочисленные пессимистические прогнозы, которые звучали с весны 1991 года, о появлении открытой безработицы в размере 6 – 10 млн человек в течение ближайших месяцев пока оказывались опровергнутыми реальным развитием событий.

Переведя в открытую форму инфляцию, правительство Е. Т. Гайдара так и не смогло решить вторую часть этой задачи – перевести в открытую форму безработицу как неизбежного спутника глубокой структурной перестройки. В принципе на протяжении 1992 года происходили определенные сдвиги в этом направлении: неуклонно увеличивалось количество безработных, причем число не имеющих работу превысило официально объявляемые предприятиями данные об имеющихся вакансиях. Аналогичные процессы продолжались и в 1993 – 1994 годах (табл. 3.11). В основном безработица остается пока в скрытой форме – в виде длительных неоплачиваемых отпусков, неполного рабочего дня и неполной рабочей недели. И, по-видимому, резкий скачок безработицы остается маловероятным, хотя начало реальных банкротств предприятий и сыграет здесь свою роль.

Безработица будет плавно нарастать (по-видимому, с некоторым ускорением) и одновременно общественное сознание будет адаптироваться к новой ситуации на рынке труда. Смягчающую роль могут сыграть вовлеченность работников в процесс приватизации своих предприятий (во всяком случае, пока они не окажутся банкротами), а со временем и укрепление реального частного сектора.

Значительный рост социальной напряженности из-за ухудшения условий на рынке труда будет, скорее всего, иметь локальный характер, концентрируясь в основном в потенциальных районах застойной безработицы (особенно в районах моноотраслевого профиля). В этом отношении опасны крупные индустриальные центры, но в них напряженность будет смягчаться диверсификацией производственного комплекса и оттоком высвобождаемых рабочих в частный сектор. Могут обостриться конфликты между различными группами занятых. Практически неизбежна люмпенизация части рабочих и служащих низкой и средней квалификации.

Таблица 3.11. Безработица и вакансии

Период	Безработица, тыс. чел.						Вакансии
	Незанятые	Зарегистрированные безработные	Получающие пособие	На переобучении	На общественных работах	Общее число	В том числе для занятых физическим трудом
1991 год							
Июль	351	16	2	0	2	708	647
Август	383	25	4	0	1	838	773
Сентябрь	421	35	6	1	2	916	843
Октябрь	474	51	8	2	1	898	818
Ноябрь	504	64	10	3	1	859	782
Декабрь	469	62	12	4	1	841	769
1992 год							
Январь	485	69	18	4	1	586	534
Февраль	554	93	33	5	2	490	438
Март	616	118	53	7	4	451	406
Апрель	696	151	74	8	5	408	363
Май	743	177	89	8	7	400	359
Июнь	779	203	108	8	13	399	357
Июль	843	248	140	7	14	377	337
Август	888	303	173	7	15	364	327
Сентябрь	921	367	219	10	13	345	310
Октябрь	982	442	267	14	8	316	246

Период	Безработица, тыс. чел.						Вакансии
	Незанятые	Зарегистрированные безработные	Получающие пособие	На переобучении	На общественных работах	Общее число	В том числе для занятых физическим трудом
1993 год							
Ноябрь	1011	518	317	20	6	295	260
Декабрь	982	578	371	18	6	307	270
1993 год							
Январь	1029	628	411	20	4	301	263
Февраль	1080	692	461	23	4	311	269
Март	1097	732	497	28	6	358	312
Апрель	1101	751	514	29	10	404	355
Май	1070	740	499	26	13	472	425
Июнь	1003	717	471	19	26	519	465
Июль	989	717	459	14	23	511	459
Август	979	714	456	11	17	511	459
Сентябрь	969	706	449	23	15	496	443
Октябрь	994	728	462	33	8	453	402
Ноябрь	1056	779	506	40	6	386	336
Декабрь	1085	835	550	40	5	352	304

Источник: Данные Госкомстата.

3.5. Проблемы регионализации и сепаратизма в экономической реформе

Объявление о выборе курса на радикальные экономические реформы было сделано в обстановке весьма неблагоприятных для российской государственности процессов, происшедших на региональном и межрегиональном уровнях. Ситуация была настолько напряженной, что одним из ключевых вопросов политических и научных дискуссий стала опасность распада России вслед за распадом Союза ССР.

Регионализация политической жизни России выступала как сложная многоплановая проблема, являвшаяся результатом взаимодействия различных факторов. Причем с самого начала она содержала в себе два компонента, играющих принципиальную роль с точки зрения развития экономических и политических процессов. С одной стороны, по мере продви-

жения реформ неизбежна была трансформация России из формальной федерации, какой она являлась в советское время, в федерацию реальную, состоящую из сильных и самостоятельных субъектов. Без этого невозможно было формирование режима рыночной демократии в стране, отличающейся огромными масштабами и разнообразием национальных и географических условий. Сохранение России как унитарного государства было бы тождественно отказу от реальных экономических реформ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.